

Эксгумация юности

Автор:

[Рут Ренделл](#)

Эксгумация юности

Рут Ренделл

Misterium

Во время войны дети, живущие в лондонском пригороде, обнаружили под землей сеть тоннелей и превратили их в свое тайное место для игр. Прошли десятилетия, друзья выросли, состарились, обзавелись внуками и правнуками. И вот компанию вновь собирает вместе жуткий повод: строители обнаружили в тех самых тоннелях человеческие кости. Две кисти рук, мужская и женская, отрубленные как раз в те дни, когда друзья были детьми... Шансов на раскрытие преступления, совершенного полвека назад, немного. Но эта встреча заставляет стариков возобновить забытые знакомства, раскрыть хранимые десятилетиями тайны и в попытке переиграть прожитую жизнь пойти на новые злодеяния...

Рут Ренделл

Эксгумация юности

© Найденов В. В., перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство «Э», 2015

Глава первая

Он был красивым молодым человеком. Мать уже с пяти лет хвалила его внешность. В детстве он регулярно слышал от взрослых: «Красивый ребенок» и «Ну разве он не симпатяшка?». Отец его так и не объявился. Школу он бросил в четырнадцать, тогда можно было, и отправился работать – сначала к одному садовнику, потом на скотобойню и, наконец, на косметическую фабрику. Вскоре в него влюбилась дочь хозяина. К тому времени ему было уже двадцать лет, и они поженились. Отец Аниты сказал, что не позволит транжирить наследство, доставшееся ей от бабушки, но сердце у него было все-таки доброе. Приданое, впрочем, оказалось не таким уж большим, но денег хватило, чтобы купить дом в Лоутон-хилле, что всего в двенадцати милях от Лондона. Сам Вуди – так его звали мать, супруга и кое-кто из школьных приятелей – терпеть не мог работу и решил до конца жизни больше ничем не заниматься. Сейчас можно было вполне довольствоваться унаследованными супругой деньгами, но вот что делать со своей жизнью, он не знал. Ему было всего двадцать три.

В те дни нужно было жениться. Здесь двух мнений быть не могло. Сожителство считалось едва ли не преступлением. Несколько лет они были вполне счастливы. Его мать умерла, и Вуди унаследовал ее дом и небольшое состояние. Затем умер отец Аниты. Вообще в 1930-е годы люди умирали намного раньше. Она была единственным ребенком, и теперь настала ее очередь получить родительское наследство. Оно оказалось намного больше того, что в свое время досталось ее мужу. Поскольку Вуди нигде не работал, он постоянно был дома и решил, что ради собственного же блага стоит все-таки приглядывать за супругой. Та часто навещала в Лондон, где покупала одежду и делала себе прическу. Иногда она пропадала там все выходные, чтобы, по ее словам, навестить бывших школьных подруг, которые теперь вышли замуж. Вуди на эти вечеринки не приглашали.

Пришла женщина, которая еженедельно убиралась у них в доме. Вуди казалось, что с уборкой вполне могла бы справиться и жена, он не раз говорил об этом, но все напрасно. Деньги платила Анита. Она даже толком не заботилась о ребенке и, насколько он мог видеть, почти не обращала на него внимания. Вуди где-то вычитал, что шестьдесят или семьдесят лет назад был принят парламентский закон, согласно которому замужним женщинам разрешалось единолично распоряжаться своими деньгами. Раньше они должны были передавать их мужьям. Он тут же возненавидел этот закон. Какой же замечательной могла быть жизнь, если бы все семейные средства принадлежали мужчинам!

Когда началась война, ему исполнилось тридцать. Вероятность быть призванным на воинскую службу росла с каждым днем. Вуди потерял покой. Но ему неожиданно повезло. На медосмотре он чувствовал себя, как всегда, хорошо – на этот раз, к сожалению, – однако доктор обнаружил шумы в сердце. Он сказал, что это результат перенесенного в детстве воспаления легких. Вуди помнил, как сильно тогда заболел и как волновалась за него мать. Но сейчас он был безумно рад и благодарен своему сердцу за эти столь своевременные сбои в работе. Врачу он полным сожаления голосом заявил, что чувствует себя хорошо и не сомневается, что доживет до ста лет.

У них в доме постоянно крутились друзья жены. Один из них приходил в мундире. Он был не так хорош собой, как Вуди, но мундир, без сомнения, добавлял ему привлекательности. Другого молодого человека, жившего по соседству, можно было часто встретить на кухне, где он заваривал себе чай, или в гостиной, где он пил этот чай в обществе Аниты. По большому счету, он был не слишком обаятелен.

– Ты обо всех судишь по внешности, – говорила ему жена. – Это все, что для тебя имеет хоть какое-то значение.

– Я тебя выбирал тоже по внешности. А что, этого мало?

Если бы жена захотела изменить ему, ей негде было бы скрыться. Но любовь или влюбленность – такая штука, лазейку всегда отыщет. Откуда ему было знать, где на самом деле бывала Анита, когда, с ее слов, навещала подруг? Его жена была рыжая, с темно-синими глазами, а у ее друга – того, что в мундире, – были глаза такого же цвета и русые волосы. Однажды днем Вуди зашел на кухню, чтобы взять деньги из жестяной коробки из-под печенья, чтобы заплатить миссис Мопп. На самом деле уборщицу звали Мосс, но «миссис Мопп» звучало намного забавнее, чем «миссис Мосс». Женщина шла позади, ей не терпелось поскорее получить свои деньги и потому не хотелось упускать из виду хозяина дома.

Анита сидела за кухонным столом, держась за руку с мужчиной в мундире. Ее рука лежала на скатерти, а ладонь мужчины лежала сверху и прижимала ее. Когда Вуди вошел, оба сразу убрали руки под стол, но он все равно успел заметить. Вуди расплатился с миссис Мопп и, не говоря ни слова, вышел из кухни. А парочка так и осталась сидеть, молча опустив глаза.

Вуди ощутил холодную злобу. Холодную и расчетливую. Но как только он почувствовал ее, злость начала расти, и постепенно он уже не мог думать ни о чем другом. Впрочем, с самого начала он знал, что не сможет жить, пока живы эти двое. Вместо того чтобы спать, он лежал в темноте с открытыми глазами и явственно видел эти руки: маленькую белую ручку Аниты с длинными острыми ногтями, окрашенными в нежно-розовый цвет, и темную ладонь мужчины со слегка растопыренными пальцами. В доме жил еще один член их семьи. Вуди сомневался, что Анита часто вспоминала о нем. Она совершенно игнорировала их ребенка. Однажды Вуди увидел, как жена промчалась через гостиную к входной двери и не заметила маленького мальчика. Она налетела на него среди бела дня и сбила с ног. Вреда ребенку она не причинила, но даже не удосужилась поднять его с пола. Мальчику пришлось вставать самому, он заплакал. Он не станет скучать по матери и, наверное, будет рад от нее избавиться.

Прежде чем сделать то, что он задумал, Вуди забрал остатки денег из жестяной коробки и переложил в другую, меньших размеров, – из-под какао. На жестяной коробке были нарисованы кусочки песочного печенья, и сама она была достаточно вместительной, примерно двенадцать дюймов в длину, восемь – в ширину и три дюйма в глубину. Этого должно хватить, ведь их руки были маленькими...

Анита приезжала, потом уезжала. Ее сопровождал то мужчина в мундире защитного цвета, то еще какой-то – в гражданской одежде. Последний тип Вуди совершенно не волновал. Он исчезнет, как только не станет самой Аниты, и даже не зайдет справиться о ней.

Пришла миссис Мопп и убрала в доме. С ней они редко беседовали. Разговаривать было не о чем.

Мальчик ходил в школу, он мог это делать совершенно самостоятельно, он знал, что это нужно, и спорить на эту тему бесполезно. Он разговаривал с миссис Мопп, и, казалось, она ему нравится, но Вуди это было неинтересно. Он часто думал о деньгах Аниты – эти размышления отнимали у него много времени и к тому же не давали выполнить задуманное. Он должен был как-то уговорить Аниту перевести ее тысячи – а этих тысяч было довольно много – на его банковский счет, но она была отнюдь не глупа и сразу заподозрила неладное.

– У нас с тобой нет совместного счета, Вуди, – сказала она. – Зачем тебе это нужно? Нет, даже не отвечай. Это было бы низко и бессмысленно. Мой ответ: нет.

Жаль, что она не согласилась. Но это его не остановило. И ничто бы не остановило. Лучшее, чего он смог добиться, – это завладеть ее чековой книжкой и выписать себе чек на сто фунтов. Большая сумма сразу возбудила бы подозрения. Как оказалось, обналичить деньги не составило труда, и он тут же пожалел, что не выписал себе вдвое больше. Теперь нужно было успеть до того, как она получит выписку из банка.

Об их прежней жизни Вуди не вспоминал. Он не думал о том, что когда-то назвал их «романом». Мысленно он никогда не возвращался даже к недавнему прошлому, заявляя всякому, кто заводил с ним подобную беседу: «С этим покончено, это больше не вернется. Какой смысл обсуждать это?»

Но так или иначе, не должно быть никакой крови. Он сказал Аните, что собирается погостить у тетушки Мидж в Норидже. Тетя была больна и, вероятно, собиралась оставить ему кое-какие деньги. Довольно неплохой повод для такого визита, в который супруга наверняка поверит. Он предполагал, что, как только уедет, Анита и человек, носивший защитный мундир, окажутся в постели – в его постели. Где-то после полуночи он собирался незаметно вернуться.

Все так и вышло! Они лежали в его постели и крепко спали. Заперев за собой дверь, он сначала задушил мужчину, потому что Анита была маленькой и слабой женщиной, которая не могла с ним тягаться. Затем, немного погонявшись за ней по комнате, он сбил ее с ног и задушил тем же кожаным ремнем, что и любовника. Вскоре все было кончено. Пятна на полу были только от его собственной крови – из царапин, – да и той немного. Он легко отрубил им кисти рук – пригодился опыт работы на скотобойне. Прежде чем положить эти две руки в жестяную коробку из-под печенья, он снял два кольца Аниты – обручальное и подаренное в день помолвки. Это было для него своего рода премией. Он совсем забыл об этих кольцах, когда рассчитывал, сколько денег сможет раздобыть. Конечно, их можно продать. Отправиться куда-нибудь подальше – в Девоншир или даже в Шотландию – и отыскать там ювелира, который отвалит ему много денег за бриллиантовое кольцо. Анита сама купила его. Ей хотелось иметь бриллиантовое кольцо, а он не мог за него заплатить.

На дворе был октябрь – это лучше, чем лето, потому что не нужно спешить избавляться от тел. Теперь, когда он отрезал кисти рук, которые когда-то гладили друг друга и переплетались пальцами, он едва ли понимал, зачем это сделал. Чтобы любоваться на них? Чтобы напоминали о его мести? Но все это было в прошлом. Он знал, что через день-два уже едва ли захочет вновь взглянуть на эти руки. Теперь нужно было спрятать их в надежном месте; мысли о том, что они там лежат, скрытые от посторонних глаз, будет вполне достаточно. Он обернул тела простынями и связал садовой веревкой.

А ребенок все проспал. Ему было девять лет – достаточно, чтобы наблюдать, пусть и не осознавая до конца происходящее. Вуди знал, что должен как-то избавиться и от него. Нет, он не прочил ему ту же участь, которую уготовил Аните и ее любовнику. Майкл был все-таки его сыном, и это трудно было отрицать, поскольку мальчик был очень похож на своего отца. Не испытывая к нему особой любви, Вуди все-таки ощущал своего рода кровную связь с мальчиком. Майкл был его сыном теперь, когда жены не стало, самым близким на свете человеком. Он мог бы все устроить так, чтобы больше никогда не увидеть его снова, но пролить кровь ребенка – нет, об этом не могло быть и речи.

Завернутые в простыни тела он отволок в летний домик и завалил дровами. Крышка жестяной коробочки закрывалась очень плотно, поэтому никакого запаха не было. Он спрятал коробку в платяной шкаф Аниты, под теми самыми платьями, которые она любила себе покупать, но понимал, что со временем придется отыскать для нее другое место. Он спал в комнате, где убил обоих, и иногда вспоминал о жестяной коробке, но так и не решился открыть ее. Уже должен был начаться процесс разложения, и он боялся того, что увидит, и запаха, который почувствует, если осмелится открыть.

Он знал, где в последние два месяца собираются мальчишки – его Майкл и сыновья Норрисов и Джонсонов. Вместе с ними играли дети четы Бэчелоров из Тайсхерст-хилла, милашка Дафни Джоунс и маленькая Розмари. Они встречались в подземельях. Однажды он проследил за Майклом. Выждав полчаса, Вуди перешел через дорогу и добрался до входа в туннели. Дети уже собрались внутри, но с того места, где он стоял, их не было видно.

– Я знаю, что вы там, – выкрикнул он. – Выходите сейчас же! Игры закончены. Пора домой, и сюда вы больше не вернетесь. Нечего здесь делать! Слышите меня?

Дети, естественно, услышали его. И вышли один за другим. Дафни задержалась, чтобы задуть свечи. Она вышла последней и, на миг остановившись на влажной траве наверху, одарила его таинственной улыбкой, а потом отвернулась.

На следующий день явился полицейский. Он хотел поговорить с миссис Уинвуд. Вуди тут же выдал ему давно заготовленную историю. Якобы жена заболела и осталась в деревне у двоюродной сестры. Она собиралась приехать, только когда поправится. Полицейский не объяснил, зачем ему понадобилась Анита и возникли ли у него какие-нибудь подозрения. Выслушав Вуди, он просто ушел.

О том, чтобы отправлять мальчика к тетушке Мидж, не могло быть и речи: она была слишком стара и бедна. Но как насчет его кухни Зоу? Своих детей у женщины не было, но, с ее слов, она всегда о них мечтала. Бог знает почему. Она подумывала взять дитя из приюта, но пока так и не решилась; Майкла она видела пару раз, и мальчик ей сразу очень понравился. Она едва ли не грезила о нем. Взять ребенка было несложно: достаточно согласия родителей. Зоу недавно вышла замуж, была уже не так молода, но деньги у нее точно водились. Зоу так хотелось этого ребенка, что ей было точно все равно, где Анита и что с ней. Довольно скоро все было устроено.

В назначенный день ему так не терпелось поскорее заполучить дом в свое полное распоряжение, что он рано поутру отвез ребенка на станцию метро и усадил в поезд до Льюиса. Заранее приготовленные для мальчика бутерброды он второпях забыл на кухне. Но Майклу и не хотелось есть в такую рань. Глядя на сына в последний раз, Вуди сожалел лишь об одном: жаль было терять такого красивого ребенка. Он вошел в автобус и сошел с него, когда тот повернул на Найтсбридж. Ювелир в лавке, где было полным-полно колец и жемчужных ожерелий, купил у него оба кольца Аниты, заплатив тысячу фунтов. Вполне достаточно, чтобы купить отличный дом. Только дом он не хотел. Дом у него уже и так был, и после окончания войны он собирался его продать. Ювелир не задал ему никаких вопросов.

Вуди был свободен. Но так ли это было на самом деле? Конечно, нет, пока под дровами в летнем домике лежали два трупа. Он уже посматривал в их сторону, стоя в дверном проеме, когда миссис Мопп зашла в сад и сообщила, что его хочет видеть полицейский. Вуди захлопнул дверь и запер ее. На этот раз полицейских было уже двое. Он сказал им, что его жена серьезно больна и что он вечером собирается поехать к ней в Йоркшир. Они, казалось,

удовольствовались этим объяснением, но ничего не ответили, когда он, слегка поевшись, спросил, зачем им понадобилась его супруга.

Он вспомнил про руки – белую и смуглую – в жестянке из-под печенья. Она была надежно спрятана там, где ее сможет найти только он, когда захочет вновь взглянуть на эти руки.

С тех пор как он прогнал детей из туннелей, туда больше никто не приходил, а теперь приближалась зима, слишком холодная и сырая, чтобы собираться в подземельях. В один из промозглых ноябрьских вечеров, в непроглядной тьме, он пришел туда, зажег факел и спустился в туннель с жестяной коробкой от печенья в руках. Здесь все было пропитано влагой, и единственным звуком был звук падающих капель воды. Ему следовало быть осторожным. Не дай бог он поскользнется и упадет, да еще с этими отрезанными кистями. Придется звать на помощь. Да только кто его здесь услышит?

Вуди замер, размышляя и уставившись в глубокую яму, через которую, казалось, уходила вниз желтоватая глинистая вода. Дна не было видно, но он понимал, что вода все равно куда-то уходит. Вода всегда найдет себе дорогу.

Закрепив факел на краю ямы, он присел на корточки и опустил жестяную коробку в воду. В тусклом свете он увидел, как она проскользнула вниз, затем под тяжестью собственного веса опустилась еще ниже и, наконец, совсем исчезла в мутной воде. Вуди вскочил на ноги, едва не поскользнувшись и задев факел. Тот упал прямо в воду и тут же погас. Все погрузилось в темноту. Вуди резко обернулся, призывая себя к спокойствию, и начал с трудом, шаг за шагом, хватаясь руками за пучки травы, растущей на глиняных стенках, выбираться из туннеля. Впереди и чуть выше мелькнул свет. Это, должно быть, луна, потому что уличных фонарей никто не зажигал. Он взобрался наверх по скользким ступеням и, оказавшись на траве у края поля, увидел в небе круглую луну.

В ярком лунном свете он заметил, что весь перепачкался: руки, ботинки и штаны были покрыты пятнами желтой грязи. Рядом, слава богу, никого не было. В эти вечера мало кто слонялся по улицам. Кругом стояла тишина, нигде не было видно ни лучика электрического света, не слышно ни звука: ни музыки, ни даже детского плача. Когда он открывал калитку и входил к себе в сад, то машинально повернул голову в сторону соседнего дома, где жили Джоунсы. В одном из окон через плотные шторы слегка пробивался свет. Должно быть, это была комната Дафни. Прекрасная Дафни... Эх, будь она хотя бы немного

постарше и имей деньги, она могла бы стать его следующей женой.

Он зашел к себе через черный ход, бросив взгляд на летний домик. Каким облегчением было бы перетащить тела мужчины и женщины через дорогу и сбросить туда, в мутную бездну, куда только что отправились их руки. Но нет же, это невозможно! Его сразу заметят. Автомобиля у него тоже не было, да и водить он не умел. С этой идеей пришлось расстаться, и единственным выходом было сжечь тела. Причем успеть до того, как сюда с обыском нагрянет полиция.

Только после того, как Вуди сжег их и закопал в саду кости, он понял, что никогда не сможет унаследовать деньги Аниты. Ведь никто не знает, что она мертва. Официально, для полиции, для адвокатов или для родственников, Анита была жива. Не было никакого свидетельства о смерти, не было похорон, завещания. Посмотревшись в зеркало, Вуди сказал себе: «Твое лицо – твое богатство, никогда не забывай об этом».

Вскоре в местной газете он вычитал, что прямым попаданием бомбы разрушено отделение полиции в Вудфорде, что всего в нескольких милях от Лоутона. Погибло много полицейских, и Вуди задавался вопросом, не потому ли они медлят с обыском. Теперь, видимо, про него напрочь забыли и оставили наконец в покое. Никто больше не назовет его «Вуди»...

Глава вторая

Такие фантазии есть почти у каждого. Это своего рода мечта – место, о котором можно думать бесконечно, особенно ночью, пока не заснешь. Все начинается с дверцы в стене. Дверца открывается, причем не робко, а вполне уверенно, ведь мечтатель хорошо знает, что ждет его там, на другой стороне. Мечтатель уже бывал там прежде. Он уже видел нечто подобное на самом деле, правда, менее прекрасное, не такое зеленое, там не так много сверкающей воды, цветных листьев и там совсем нет волшебства. Но тайный сад всегда один и тот же: он прекрасный, в нем все цветет, в нем всегда сияет солнце, щебечут птицы, летают стрекозы. Сам мечтатель никогда не покидает свой тайный сад. Но сад то и дело покидает мечтателя и оставляет ощущение невосполнимой потери, которую всегда сопровождают печаль и надежда.

Их тайный сад не был так красив. В нем не росли цветущие деревья, не было ни роз, ни душистых трав. Сначала они называли это туннелями. Но Дафни Джоунс приучила называть их водоводами, и все согласились. Такие подземные водоводы в древних восточных языках называли «канатами». Название всем пришлось по душе. Так, с легкой руки Дафни обыкновенные туннели превратились в таинственные водоводы. Со временем водоводы стали их тайным садом. «Они» – это сама Дафни, конечно, Майкл Уинвуд, Алан Норрис, Розмари Уортон, Льюис Ньюмен, Билл Джонсон и все Бэчелоры: Роберт, Джордж, Стэнли, Мойра и Норман. И остальные. Они обнаружили водоводы в июне последнего года Второй мировой войны. Эти туннели стали убежищем для мечтателей и фантазеров. Они не сказали про водоводы ни слова родителям, а в те дни мало кто из взрослых спрашивал у своих детей, куда они исчезали по вечерам. Родители лишь велели им приходить домой, как только завоюют сирены, предупреждающие об очередном воздушном налете.

Здесьнюю местность, где были прорыты водоводы, нельзя было назвать сельской. Еще задолго до войны в этих полях уже началось строительство, которое остановилось лишь с первыми звуками воздушных сирен. Поля лежали на границах Эссекса, на краю леса Эппинг. Зеленые луга сохранились до сих пор, разделенные высокими и густыми живыми изгородями из кустов и деревьев: несрубленных, иногда даже неподрезанных приземистых двухсотлетних дубов; статных вязов, пышно разросшихся задолго до первых упоминаний о голландке[1 - Голландская болезнь вяза – грибковая болезнь, поражающая деревья семейства вязовых и вызывающая их массовую гибель.]; зарослей терновника и боярышника, утопающих весной в нежно-белом цветении; диких яблонь с душистыми розоватыми цветками. Поля, где больше никто не косил сено, поросли золотистым крестовником, вероникой, зорькой и дикими орхидеями. Бабочки-репейницы, адмиралы и павлиний глаз отвлеклись от диких цветов, и теперь их словно магнитом влекли к себе цветущие кусты буддлеи, выращиваемые в садах Лоутон-хилла и Шелли-Гроув. С сумерками в воздухе начинали тихо кружить ночные бабочки – ленточницы и бражники. Детям казалось, что поля останутся такими навсегда, что ничего не изменится. Они играли в траве и в зарослях деревьев, разбегаясь по домам в Тайсхерст-хилл и на Брук-роуд, когда сирены вновь начинали свой заунывный вой. Слышались разрывы, но здесь не бомбили. За всю войну на Лоутон упала лишь одна бомба.

Однажды, когда сирены молчали целую неделю, дети – несколько Бэчелоров, а также Алан и Льюис – наткнулась на пещеру – большую дыру в земле, похожую

на вход в туннель.

Произошло это в июне 1944 года. Занятия в школе продолжались и в летние каникулы, а потом еще целый месяц. В тот день учеников отпустили в 15:30, и все пошли домой. Бэчелоры – Роберт, Джордж, Стэнли и Мойра (Норман выздоравливал после ветрянки) – отправились в поля. Стэнли взял с собой Ниппера на поводке. Алан, Льюис и Билл уже поджидали их там, забравшись в дупло огромного дуба. Лет сто назад кто-то срубил верхушку дерева, и то, что осталось, обросло свежими ветвями, покрытыми густой листвой. Летом в сырую погоду можно было забраться внутрь и укрыться от дождя. В тот день тоже шел дождь, но он вскоре прекратился, поэтому Алан с товарищами спустились вниз и присоединились к остальным. Решили побродить по склонам на противоположной стороне холма. Интересно, смогли бы они отыскать водоводы, если бы Мойра не увидела кролика, который вдруг исчез где-то под землей?

Ни один из мальчиков не углядел его, даже такой любитель животных, как Стэнли. Его пес Ниппер до этого заметил собаку Джоунсов на тротуаре возле их дома и принялся, лая и рыча, натягивать поводок. Стэнли пришлось остаться снаружи, кому-то ведь надо было присмотреть за псом, а остальные, естественно, полезли вниз. Собака Джоунсов заливалась так, что Дафни вышла на улицу и уволокла ее в дом.

Внутри пещеры вели вырытые в глине ступеньки, грязные и скользкие. Кто их сделал? Кто вообще создал это место? Никто из детей не знал. Туннель уходил куда-то вглубь, под поля, под траву, дикие цветы и корни деревьев. Внутри было темно, но не настолько, чтобы не разглядеть друг друга, хотя в ночное время здесь, конечно, без свечей было бы не обойтись. Земля на стенах пещеры была глинистой. Родители то и дело сетовали на такую землю, когда копались в саду. Семеро из них – поскольку к ним присоединилась и Дафни Джоунс, после того как Стэнли рассказал ей о находке, – вышли к широкой круглой площадке, куда вели и несколько других проходов. Это место трудно было назвать тайным садом, но у него все-таки были некоторые свойства, присущие тайному саду. Здесь было тихо, если только они сами не шумели. Тихо и спокойно. А еще темно, пока кто-то не зажигал свечу.

– Мы можем сюда приходить, – сказал Джордж. – Приносить с собой еду и еще что-нибудь. Здесь уютно, когда идет дождь.

– Здесь всегда уютно, – сказал Алан.

– Давайте тут все осмотрим, – предложила Мойра, и они отправились исследовать новые проходы. В пещере было пустынно, как будто до этого сюда никто никогда не заходил. Но ведь кто-то же вырыл эти туннели, сделал ступеньки, по которым они спустились, накрыл вход брезентом, а потом ушел, оставив это место кроликам и белкам.

– Водоводы, – сказала Дафни Джоунс. Она была постарше и знала, что говорит.

С годами обычно забываешь имена: тех, с кем учился, работал, с кем жил по соседству, имя своего врача, бухгалтера и того, кто убирался в доме. Из них забывается, как правило, половина, а иногда и три четверти. Но чьи же имена никогда не забываются, потому что они глубоко высечены на граните вашей памяти? Ответ прост: ваших возлюбленных (если только вы были разборчивы в связях и их было не слишком много) и детей, с которыми вы отправились в первый класс. Вы всегда помните их имена, до глубокой старости. Алан Норрис встретил в своей жизни не так много возлюбленных, чтобы забыть их имена, а у его жены до него и вовсе никого не было. Этой темы супруги обычно избегали во время бесед. К тому же они старались не думать о тех, с кем пошли в школу, но имена их помнили хорошо. Им тоже довелось побывать в тех туннелях, но повод вспомнить о них возник только после того, как они прочитали заметку в газете.

– Водоводы, – задумчиво произнес Алан, который уже более пятидесяти лет назад женился если не на соседке, то по крайней мере на девушке с соседней улицы.

Розмари сказала, что ей никогда не нравилось это название. Даже когда ей было всего десять лет.

– Почему не туннели? Ведь это так и есть, в конце-то концов.

На обеденном столе была разложена «Дейли телеграф». Алан читал статью о находке, сделанной тремя польскими строителями под одним из домов на холме в Лоутон-хилле. Читал и рассматривал снимок самой находки – жестяной коробки и ее жуткого содержимого.

– Что за имя, – поморщилась Розмари, заглядывая мужу через плечо. – З-збигнев. Как это вообще можно произнести?

– Понятия не имею.

– Это как раз тот, кто все это раскопал. Они закладывали цокольный этаж. Подвал – это, конечно, последняя вещь, которая нужна жителю Лоутона, не так ли? А ведь это... кисти рук! Теперь уже только кости. Они, наверное, уже никогда не закончат этот цоколь...

Алан промолчал. Он читал, как строители с трудновыговариваемыми именами копали с помощью экскаватора котлован и нашли злополучную коробку. Приехали полицейские, и вскоре все работы были прекращены. В коробке когда-то хранилось печенье. В ней обнаружили кисти рук мужчины и женщины. Точнее, уже кости...

– Интересно, – сказала Розмари, – перекроют ли они там все или нет? Наверное, обвяжут все сине-белой лентой – как в детективных хрониках по телевизору. Мы могли бы прогуляться туда и взглянуть.

– Могли бы. – В голосе Алана послышался слабый иронический оттенок, не укрывшийся от Розмари.

– Впрочем, если не хочешь, то не пойдем. Как скажешь, дорогой.

Он сложил газеты.

– Никакого упоминания о водоводах – ну или о туннелях. Только о том, что коробка обнаружена на месте строительства. Мы даже не знаем, была ли она найдена в водоводах.

– Мне не хочется, чтобы ты так называл это место.

– Ну хорошо, в туннеле. Мы даже толком не знаем, что они собой представляли, эти туннели, прорытые в полях и спрятанные под брезентом. Джордж, наверное, знает. Если мы выйдет прогуляться, то почему бы нам не повидать Джорджа и Морин?

– Если тебе так хочется...

– Почему мы так никогда и не узнали, что это за туннели были, дорогая?

– Наверное, потому, что мы никогда ни у кого не спрашивали. Наши родители точно знали о них, но мы их так и не расспросили. Мы ведь и сами им ничего не рассказывали.

– Потому что знали, что они не разрешат нам туда ходить.

Розмари возвратилась к своему шитью, в то время как Алан попытался освежить в памяти детские воспоминания. В голове перемешалось все: их обычные занятия, любимые игры, еда, которую они приносили в водоводы: плотный хлеб из непросеянной муки – о, как же ему хотелось сейчас отведать кусочек этого белого хлеба! – с джемом из репы и ревеня; сэндвичи с рыбной пастой; вымазанный в глине картофель, который они пекли, разводя огонь в старом водяном баке; предсказания судеб из уст Дафни Джоунс. Это имя вызвало у него давнюю дрожь. Он вдруг вспомнил уроки истории, явственно представил себе Марию, королеву Шотландии, и зверское убийство Давида Риццио[2 - Давид Риццио (Риччо) (ок. 1533–1566) – итальянец, личный секретарь и фаворит королевы Шотландии Марии Стюарт, зверски убитый заговорщиками-протестантами.], совершенное прямо у нее на глазах. Но почему Мария? И почему таинственное убийство принцев в Тауэре?[3 - Эдуард V (1470–1483) и его брат Ричард Йоркский (1473–1483), сыновья английского короля Эдуарда IV. В 1483 г. парламент издал закон, которым объявил принцев незаконнорожденными. Ставший королем Англии дядя принцев, Ричард III, поместил их в лондонский Тауэр. Судьба принцев неизвестна, считается, что они умерли или были убиты в Тауэре.]А леди Джейн Грей[4 - Джейн Грей (1537–1554) – некоронованная королева Англии с 10 по 19 июля 1553 г. Правнучка короля Генриха VII имела лишь призрачные шансы прийти к власти. Однако в 1553 г. смертельно больной Эдуард VI отстранил католичку Марию от престолонаследия и назначил наследницей протестантку Джейн. Но Мария подняла мятеж в Восточной Англии, и Тайный совет, оценив соотношение сил, низложил Джейн. Джейн Грей и ее муж были заключены в Тауэр и приговорены к смерти за измену.], «королева девяти дней»? Она-то тут при чем? Он ничего не мог сказать. В голову лезли странные мысли, но корни их были неизвестны, они были скрыты где-то очень глубоко... Как те руки в жестяной коробке. Он хорошо помнил, как Стэнли Бэчелор привел свою собаку, белую с черными пятнами. Алану пес очень нравился. Они с Розмари обнимали его, гладили, и каждый

приговаривал: «Как же ему повезло! Почему у меня нет собаки?» Когда кончилась война, оба обзавелись мохнатыми питомцами; у него появился лабрадор, а у Розмари – спаниель.

Захватив со стола газету, он направился к Розмари. Та сидела в своей комнате и продолжала шитье, уперев ногу в педаль, а пальцами медленно, но уверенно направляя шов на платье, которое шила для Фреи. Когда они только поженились, наличие в доме швейной машинки было обычным делом. Многие годы Розмари почти всю одежду для себя шила сама. Когда домашнее шитье сделалось не таким популярным, она переключилась на одежду для внуков, а теперь еще и для правнуков.

– Потому что у меня получается намного лучше, чем то, что можно купить в магазине, – говорила она.

Алан был не совсем согласен со своей супругой, но вслух этого не высказывал. Был период, когда она пыталась шить ему рубашки, но он быстро положил этому конец. Ее рука, которая сейчас держала ткань, покрылась морщинами, и кое-где даже проступали вены. Но у Розмари не было ни единого признака артрита. Розмари заметила мужа и сняла ногу с педали.

– Думаю, нам следует навестить Джорджа Бэчелора и взять с собой эту газету, – сказал Алан. – Мы уже давненько не виделись ни с кем из Бэчелоров. – В этот момент он поморщился от неприятной мысли. – Если он все еще жив.

Розмари рассмеялась:

– О, не беспокойся, он жив. На прошлой неделе я встретила Морин на Хай-роуд. Она сказала, что Джорджу вправили бедро и он должен вот-вот вернуться из госпиталя Сент-Маргарет.

– И они живут там же?

– Да, но у них сменился телефон. Морин дала мне номер своего мобильного. Так я позвоню им, дорогой?

Лишь у одного из друзей детства, Майкла Уинвуда, до сих пор был жив отец. Правда, они почти не общались друг с другом. Между ними не было никакой ссоры. Никто никогда не заявлял: «Я не желаю с тобой разговаривать». Однако Майкл все равно не собирался видеться с отцом и был уверен, что тот испытывает такие же чувства. Интересно, прочитал ли Джон Уинвуд об отрезанных руках мужчины и женщины, найденных в жестянке из-под печенья. Значит ли что-нибудь такое страшное открытие для человека его возраста? Как ни крути, но старику через год стукнет целых сто лет, и едва ли он в здравом уме. Возможно, сердце Майкла дрогнуло бы, если бы отец был беден и жил в ужасных условиях, но, по словам Зоу, он проживал в одном из самых роскошных домов престарелых в Суффолке. Его жилище представляло собой скорее целые апартаменты с душем, чем просто комнату, и у него было все, что может понадобиться старику. Поэтому Майклу было все равно, и он не чувствовал за собой никакой вины.

Что Вивьен сказала бы об отрезанных кистях в коробке? Что она рассказала бы о его отце? Ему следовало бы пойти к ней в комнату – ту, которая когда-то принадлежала ей, – и просто спросить. Поговорить с ней – и все. Прилечь рядом на кровати и поговорить об этом. Когда он закрыл глаза, то увидел перед собой дом Эндерби на холме. А по ту сторону от дороги, где раньше не было никаких построек, он увидел вход в подземный туннель и собравшихся возле него детей. Через неделю после того, как они обнаружили подземелье, детей стало уже двадцать или тридцать. Он видел, как они друг за другом спускаются вниз по ступенькам и, словно Гамельнский крысолов без своей волшебной дудочки, исчезают в темноте под брезентом, а затем в глубине становится светло, когда кто-то зажигает свечи...

Когда он размышлял об Эндерби, – а иногда отделаться от этих мыслей было очень трудно, как он ни пытался, – он обычно слышал, как поет отец. Любая из спетых фраз звучала очень красиво, тем более что это были церковные гимны. Он вовсе не был религиозным человеком; ни Майкл, ни мать, ни отец не ходили в церковь. Но отец ходил в церковь в детстве. Как-то у старика Уинвуда вырвалось, что он терпеть этого не мог, но церковные гимны, которые он пел, Майкл помнил хорошо: как сами мелодии, так и большую часть текстов – «Веди нас, Отец Небесный, веди» и «Летнее солнце сияет над землей и морем». Гимн о солнце должен был ободрить человека, сделать его счастливым, но каждый раз после того, как Джон Уинвуд пел эти слова, он спускался вниз и ворчал, чтобы Майкл не попадался ему на глаза.

Майкл отправился наверх и рассказал Вивьен о гимнах, рассмеявшись, как будто это было нечто забавное...

Алан и Розмари, напросившись к старым друзьям на чай, медленно брели по Йорк-хилл.

– Но мы не пьем чай, – заявила по телефону Морин Бэчелор. – Джордж говорит, что это напиток стариков, а когда я ему говорю, что мы и есть старики, то он мне отвечает, что не нужно это лишний раз подчеркивать. Приезжайте, и выпьем хереса! Как вам такой вариант? Херес можно пить всегда.

– Выходит, что херес старикам вполне подходит, – ворчал Алан, шагая рядом с Розмари. – Готов поспорить, что, если бы мы зашли в «Кингс-Хед», – они как раз проходили мимо этой гостиницы, – и попросили бы себе хереса, молодая леди за стойкой даже не сообразила бы, о чем идет речь.

Джордж, самый старший из Бэчелоров, жил в том же городке, где родился и вырос, что было не таким уж редким явлением для дальних лондонских пригородов. То же самое можно было сказать об Алане и Розмари, а также о брате Джорджа Стэнли. Но только не о Нормане, который давно переехал. Поэтому для Розмари и ее мужа стало большим сюрпризом то, что они увидели в гостиной у Морин. Там, рядом с Джорджем, вытянувшем больную ногу вперед и водрузившим ее на небольшой пуфик, сидел Норман.

– Здравствуй, Норман! – сказала Розмари. – Давно не виделись.

Эту фразу Алан терпеть не мог. Розмари считала, что ее часто использовали люди, которых сама она называла «китаезами».

– Я теперь живу во Франции. Здесь бываю нечасто.

После этого краткого вступления Норман пустился в сентиментальное восхваление французской культуры, пищи, напитков, здравоохранения и своего нового дома. Лицо Морин немного потускнело и приняло то выражение, которое обычно возникает у человека, слушающего уже хорошо знакомые речи. Она встала, вышла из гостиной и вскоре возвратилась, катя перед собой столик на

колесиках, на котором стояли бокалы и бутылки различных марок хереса. Помимо прочего, Алан заметил среди них «Олоросо», «Амонтильядо» и «Манзанилью».

Взяв бокал с «Амонтильядо», Алан вручил Джорджу номер «Дейли телеграф».

– Ты читал это?

Джордж едва взглянул и тут же кивнул.

– Естественно. Мы тоже ее выписываем. – Он кивнул с видом знатока. – Я ведь строил тот дом.

– Какой, Уорлок-хаус?

– Я и мой брат. Братья Бэчелор. Ведь мы много чего построили здесь в округе.

Алан знал, что тот имел в виду. Не то что Джордж и Стэнли строили эти дома собственными руками, а то, что это делала их фирма. Она строила дома на тех полях, по которым они бегали детьми, когда выли сирены.

– Когда же это было, Джордж? – спросила Розмари.

– Где-то в начале пятидесятых. В пятьдесят втором или в пятьдесят третьем, наверное.

– Хорошо. Ну а теперь, возможно, ты вспомнишь: не могло быть так, чтобы наши водоводы проходили под Уорлок-хаусом?

– О нет, – ответил Джордж. – Хотя они, наверное, и были фундаментом какого-нибудь дома.

Розмари повторила его последние слова:

– Фундаментом дома. Я никогда не думала об этом...

– Все это исчезло к тому времени, когда я приобрел там землю. Для Уорлок-хауса мы выкопали котлован под новый фундамент. Дом строил мистер Роузлиф. Забавное имя – сейчас почему-то вспомнилось.

Норман в середине разговора задремал. А перед этим долго ворчал, что херес – все-таки испанский, а не французский напиток. Теперь он встрепенулся:

– Так вот, значит, что это такое. Фундамент дома. А Уорлок[5 - Warlock (англ.) – волшебник, колдун, маг. – Прим. пер.]– тоже забавное название, вы не находите?

– Да уж, от этого названия так и веет колдовством, – сказала Морин. – По-моему, весьма забавно.

– Там никакой связи с ведьмами нет, – сказал Джордж. – Просто он жил на улице под названием Уорлок-роуд в районе Мейда-вейл[6 - Широкая улица в северо-западной части Лондона. Названа в память о сражении 1806 г. при селении Мейда в Италии, где английские войска одержали победу над французскими. – Прим. пер.].

– Как здорово! – воскликнул Норман. – Ты ведь тоже был там, Алан, не так ли? И Розмари. И Льюис Ньюмен – помните его? А вы еще помните Ниппера, собачку Стэнли? Хорошая была собака! Моя мама почти никогда не сердилась на нас – она вообще ни на кого не сердилась, – но ее просто бесило, когда Стэнли вечером брал с собой собаку без спроса.

Розмари широко улыбнулась, вспоминая об этом.

– Ниппер был отличный пес. А нам ведь так хотелось иметь собаку, правда, Алан?

– Так ты не находил тех рук, когда строил дом, Джордж?

– Мне кажется, я уже сказал тебе, не так ли?

Джордж с трудом поднялся и вновь наполнил бокалы хересом.

Правда, на этот раз он налил себе «Амонтильядо» вместо «Манзанилья», но никто не придавал этому особого значения. Розмари получила «Олоросо» вместо «Амонтильядо», но она не возражала; она на самом деле предпочитала сладкий херес, хотя и не просила налить именно его, потому что, как известно, сладкое полнит...

– Вот где мы собирались, – проговорила она. – В тех водоводах.

– Тебе тогда было всего десять? – спросил Джордж.

Розмари кивнула, внезапно смутившись. Да, они там собирались, потом потеряли друг друга, когда чей-то отец выгнал их оттуда. Он закричал, чтобы они отправлялись домой и больше туда не возвращались. С Аланом они встретились вновь лишь несколько лет спустя, на танцах, потом стали ходить на свидания и, наконец, поженились. Ей казалось, что все остальные пристально смотрели на них, как будто она проделывала какой-то племенной ритуал, древний и теперь уже почти забытый. За исключением ее и Алана, все женились, выходили замуж и успели хотя бы раз развестись, меняли место жительства и даже уехали за границу, как тот же Норман.

Пытаясь скрыть внезапный стыд, она быстро спросила:

– Кто же это выгнал нас тогда из водоводов? Чей-то отец? Случайно, не Майкла ли Вудмана? Или Вудли?

– Это был папа Майкла Уинвуда, – сказал Норман. – Они жили на холме рядом с Джоунсами, эти Уинвуды. А семейство Билла Джонсона – чуть дальше. Уинвуд узнал, что мы по вечерам собираемся в этих водоводах. Может быть, Майкл ему все рассказал. Он просто перешел дорогу, отыскал вход и крикнул, чтобы мы убирались оттуда.

Пока он говорил, его брат Стэнли незаметно вошел в дом через черный ход. Норман даже дернулся от неожиданности, когда почувствовал руку на своем плече, потом вскочил на ноги, и братья обнялись. Розмари потом сказала мужу, что не знала, куда глаза девать: уж больно тепло обнимались и тискали друг друга братья. Алан не нашел в этом ничего необычного, но при этом не проронил ни слова. Вообще, наблюдая что-то необычное, он чаще всего отмалчивался. Странные они все же, эти Бэчелоры, шепнула ему потом Розмари по пути домой.

Например, тот же Норман, самый молодой из них, рассказывал, что родился прямо на кухонном столе...

Джордж обменялся с братом куда более традиционным рукопожатием и, сделав печальное лицо, покосился на свое бедро.

- Мы только что говорили о тех Уинвудах. Помнишь их?

- Они жили по соседству с Дафни Джоунс на холме. Ее я хорошо помню.

Снова это имя, подумал Алан. Он давно забыл о ней, а теперь ее имя произнесли уже трижды, причем за каких-то пару часов! Но по крайней мере он не покраснел. Интересно, что Стэнли подразумевал под своим «хорошо»? Свой голос показался Алану каким-то писклявым, и он испугался, что на это сразу обратят внимание. Розмари вполне могла бы.

- А Дафни все еще жива? Ведь она, кажется, была старше любого из нас.

- Да нет, ерунда. Просто она выглядела на шестнадцать, когда ей было всего двенадцать лет. Она не была старше. - Стэнли понимающе кивнул. - Я с ней поддерживаю связь. - Казалось, он даже гордится этим. - Она трижды была замужем, а теперь ее зовут Дафни Фернесс. Живет где-то в Хэмпстеде или в Сент-Джонс-Вуде. В общем, где-то там. К сожалению, не все мы цепляемся за свои корни...

Алан удивлялся, что же такое на него нашло. Каково это теперь - чувствовать, что ты знаешь и, возможно, часто видишь Дафни Джоунс все эти годы? Он с трудом подавил в себе эту мысль. Он ведь уже старик, прадед...

Джордж снова встал, как будто собираясь сделать какое-то важное заявление.

- Только что вспомнил. У меня ведь есть фотография, на которой мы - ну, то есть я с братьями и сестрой Мойрой - стоим у входа в водоводы. Роберта на снимке нет - он как раз фотографировал. Куда запропастилась та фотография, Морин? Не сможешь ли мне ее отыскать?

- Конечно, помогу. Зачем спрашиваешь?

Алан ожидал увидеть маленькую черно-белую или даже светло-коричневую фотографию. Но вместо этого Морин принесла внушительный альбом с множеством страниц из толстого картона. На вид в нем были десятки снимков. Морин, видимо, была хорошо знакома с содержимым альбома, хотя сама не входила в число детей, игравших в туннелях. Она раскрыла альбом на странице с пометкой «1944 год» и положила на журнальный столик. Джордж пересел поближе, осторожно поставил здоровую ногу на пол, а левую, больную, слегка приподнял обеими руками. Стэнли устроился рядом, втиснувшись между Джорджем и Норманом.

– А теперь давайте посмотреть Алану и Розмари, – сказала Морин. – Вы-то сможете любоваться этими снимками когда угодно.

В конце концов, альбом был перевернут так, чтобы могли видеть все. Правда, все равно при этом никто не мог толком ничего рассмотреть. Джордж указал пальцем на тусклый снимок, на котором пятеро детей столпились у входа в маленькую пещеру. Фотография получилась нерезкой, и казалось, будто Роберт Бэчелор снимал в густом тумане.

– Вот я, Стэнли, Норман и бедняжка Мойра, – сказал Джордж. Он назвал ее «бедняжкой» потому, что она, будучи самой младшей из всех, к этому времени уже умерла.

– А это кто? – спросила Розмари, указывая на мальчика с копной вьющихся волос.

– Не знаю. – Джордж вытащил лупу и нацелил ее на лицо мальчика. – Возможно, Билл Джонсон.

Другие фотографии на странице не представляли особого интереса для Алана и Розмари. В основном это были снимки интерьеров дома Бэчелоров на Тайсхерстхилл. На одной из карточек был снят стол, накрытый клетчатой скатертью. Эта фотография могла озадачить любого, кто не знаком с биографией Нормана.

– Вот, взгляните-ка, – восторженно воскликнул тот. – Это мой снимок. Здорово, что ты сохранил его, Джордж. На этом столе я родился! Мать ходила по дому, дожидаясь медсестру. Естественно, у нее уж начинались родовые схватки, хотя об этом детям не рассказывали. Но именно все так и было. Джордж и Мойра перетащили его в сад, чтобы Роберт сделал там этот снимок, потому что на

кухне было темновато. Могло не получиться. Как же хорошо, что ты сохранил эту фотографию! А можно мне забрать ее, Джордж?

– Нет-нет, он ведь приклеена. Не хочу портить альбом. – Джордж огляделся по сторонам. – Хотите еще посмотреть? Я спрашиваю потому, что нога просто не дает мне покоя.

– Тогда передай сюда альбом, – попросила Морин. – Пусть Алан и Розмари тоже посмотрят.

Она взяла альбом и положила его Алану на колени.

– Роберт сделал еще несколько снимков у туннеля. Это на следующей странице, – сказал Джордж.

Алан перевернул страницу и увидел... ее. Она сидела на груде кирпичей. С одной стороны сидел Стэнли, а с другой – Майкл Уинвуд. На ней было летнее платье, а ее темно-каштановые волосы растеклись волнами по плечам и спине. При виде этой фотографии Алана охватила какая-то дрожь, достаточно заметная, так что даже Розмари бросила на него озабоченный взгляд. Эти волосы... иногда она заплетала их в косички. А когда расплетала, то они становились волнистыми.

– Вот она, – сказал Стэнли, вытягивая шею, чтобы рассмотреть получше. – Конечно, сейчас она совсем не такая, но в ней еще можно узнать молодую Дафни.

Алан поспешно перевернул страницу, наткнувшись на десять или одиннадцать снимков собаки Стэнли.

– Ниппер. Вот он, мой первый пес. С тех пор у меня было еще несколько, и каждый дожил до почтенных лет. – Стэнли вздохнул. – В прошлом году умер Альфи, ему было восемнадцать. Больше у меня никого не будет, хватит. Ему было бы грустно, если бы я умер первым, а в таком возрасте это вполне возможно.

Все как-то разом притихли. Каждый понимал, что на этом свете ему осталось не так уж много, но при этом боялся это открыто признать. Алан спросил у Стэнли, где тот сейчас проживает. Оказалось, в Тейдон-Бойс, в отдаленной деревушке возле леса. Ему хотелось побольше разузнать от него о Дафни, но, поколебавшись, он вместо этого спросил про Майкла Уинвуда. Тот жил где-то в северо-западной части Лондона. Вскоре настала пора прощаться.

– Не следует ли нам все же связаться с полицией?

– Знаешь, не зря говорят: не буди лихо, пока спит тихо, – сказал Стэнли. – В данном случае я имел в виду кости...

– Лучше все же им сообщить. – Джордж пошевелил больной ногой и поморщился. – Если хочешь, я это возьму на себя и сообщу. Я в том смысле, что ведь я строил Уорлок-хаус и у меня сохранились эти снимки. Думаю, альбом же у меня не заберут...

– Можно попытаться отыскать остальных, – предложил Норман. – Морин могла бы здесь здорово помочь. Она ведь у нас гений современных технологий, не так ли, Морин?

– Скорее телефонная книга, – ответила его невестка.

Глава третья

Алан и Розмари возвращались на Трэпс-хилл. В те дни, когда они оба посещали теннисный клуб, то преодолевали эту возвышенность быстрым шагом или даже бегом. Теперь Розмари была рада, что может идти достаточно быстро, не запыхавшись. В Лоутоне они знали каждый уголок; когда они были детьми, то это место называлось «деревней». «Я собираюсь в деревню» – так говорили, когда отправлялись по магазинам.

После встречи на танцах и воспоминаний о детстве они обручились, потом поженились и обзавелись домом на Харуотер-драйв; позже, когда родились дети и Алан стал неплохо зарабатывать, они переехали в еще более просторный и

комфортабельный дом на Черч-лейн. Прекрасные зеленые поля и леса, которые начинались близ перекрестка дорог на Хилл и Бордерс-лейн, постепенно, акр за акром, миля за милей застраивались, и это место получило название Дебден-Эстейт. Зажиточных людей из Олдертон-хилла передергивало от избытка переселенцев из лондонского Ист-Энда. Проживая на менее престижных, но вполне достойных улицах, родители Алана и Розмари и их соседи тоже испытывали понятное беспокойство из-за вторжения цивилизации. Некоторые не выдержали и уехали – куда-нибудь в глубинки Эссекса: в Эппинг или Тейдон-Бойс. Однако и там они не нашли покоя: им на пятки уже наступал шумный Новый Харлоу. «Только не у меня на заднем дворе» – в то время это выражение еще толком не прижилось, но людей, активно протестующих против нововведений, уже было немало.

Алан и Розмари венчались в церкви Пресвятой Девы Марии на Лоутон-Хай-роуд, а свидетелем со стороны жениха на свадьбе был друг Алана Ричард Парр, который, кстати, в детстве тоже бывал в водоводах. Неделю спустя, когда у Алана и Розмари был медовый месяц на Айл-оф-Уайт, Ричард эмигрировал в Канаду. Они с Аланом некоторое время поддерживали контакт и обменивались письмами. Звонить по телефону было слишком дорого.

Теперь, став прабабушкой и прадедушкой – три года назад родился уже их второй правнук, – Розмари и Алан продали дом на Черч-лейн, в котором они прожили почти полвека. Они купили его за восемь тысяч фунтов, а продали за три миллиона. Переехали в роскошную квартиру в Трэпс-хилле. Она располагалась на первом этаже, потому что супруги пребывали в неплохой для своего возраста форме и отвергали идею «защищенного жилья»[7 - Многоквартирные дома для людей пенсионного возраста. В таких домах есть персонал, который можно в любое время вызвать по телефону.].

– Мне нужно вам кое-что сказать, – заявила Фрея, их младшая внучка. Социальный работник и в прошлом психотерапевт, она приехала в Лоутон на конференцию, которая проводилась в Лоппинг-Холле. – Я выхожу замуж.

– Мои поздравления, – ответил Алан. – Или мне следовало сказать: «С наилучшими пожеланиями»?

А Розмари спросила:

– И кто же этот счастливец, уж не Дэвид ли?

Более резко, чем обычно, Фрея ответила:

– С учетом того, что мы вместе уже пять лет, конечно, это он, бабушка!

Шампанского под рукой не оказалось, и Алан наполнил три бокала хересом. Похоже, это был день хереса. Прежде чем выпить, Фрея с подозрением покосилась на свой бокал. Алану пришло в голову, что она, возможно, еще никогда не пробовала хереса.

– Обязательно приходите на свадьбу. Она запланирована на июль, – сказала внучка на прощание.

– Вообще меня сильно беспокоила... – задумчиво проговорила Розмари, – эта ее жизнь во блуде.

– Так больше никто не говорит. Ее родители жили долгое время вместе, прежде чем поженились, и то же самое касается ее сестры и Джайлса. Все изменилось. Норман Бэчелор живет с женщиной в гражданском браке. – Алан слегка задумался, словно подыскивая правильное слово. – В наши дни это вполне приемлемо.

– Но только не для меня, – сказала Розмари, добавив: – Я не хочу допивать этот херес. Мы что-то много сегодня приняли.

Алан промолчал. Он подумывал о том, чтобы как-нибудь вытянуть жену на ужин, хотя бы в «Кингс-Хед», но ее слишком моралистические взгляды, особенно сильно проявившиеся в последние дни, заставили его передумать.

– Тебе не кажется, что мы ведем какой-то унылый образ жизни? – спросил он у нее. – Я вот о чем: да, мы довольно рано поженились, вырастили двоих детей, сохранили брак, я до сих пор работаю, ты – домохозяйка, мы постепенно обзавелись приличной недвижимостью. Но мы никуда не переехали из Лоутона. Мы бывали за границей, но только во Франции и Испании. Мы с тобой даже не были в Америке.

– Куда ты клонишь, Алан?

Она редко называла его по имени. Обычно он слышал «любимый» или «дорогой».

– Я лишь спросил, не кажется ли тебе, что мы прожили с тобой скучную жизнь.

– Что ж, я так не думаю. Я бы сказала, что мы прожили счастливую жизнь. Не слишком авантюрную, правда, но согласись: подобная жизнь полна неприятностей. Мы были верны друг другу, не допустили семейного насилия или чего-то в таком роде. Мы дали приличное воспитание детям. Что здесь неправильного?

– Да ничего, – ответил он, но про себя подумал: «Все».

Он вынул из холодильника пакет с копченым лососем и принялся готовить яичницу-болтунью, в то время как Розмари закончила пришивать рукава для платья Фреи.

Джордж Бэчелор мог запросто разобраться со счетом или квитанцией, но когда речь шла о письме, он понимал, что здесь лучше довериться своей супруге Морин. Она взяла фотографию, на которой были сняты Джордж, Стэнли, Норман, Мойра и, видимо, Билл Джонсон, в салон на Хай-роуд и сделала несколько фотокопий. Вложив фотографию в конверт с письмом, она лично отвезла его начальнику следственного отдела столичной полиции на Форест-роуд. Как только она там оказалась, то решила, что заодно надо навестить и Клару Мосс, которая жила немного дальше на той же улице. Это был не визит вежливости, а скорее необходимость, и Джордж обычно навещал Клару не реже чем раз в месяц. Ему было нетрудно, а порой даже нравилось. Но он никак не мог приехать к Кларе сейчас, когда был не в состоянии ходить. Он говорил, что должен обязательно навещать бедняжку Клару, но Морин в глубине души понимала, в чем тут дело: подобные визиты несколько омолаживали его, помогали ощутить себя человеком хотя бы средних лет. Хотя он уже стар, Клара еще старше, ведь ей уже под девяносто...

Морин несколько раз ударила по двери дверным молотком. Клара была глуховата. Она подошла к двери без привычной палки, потому что держалась за мебель.

– Приветствую вас, миссис Бэчелор, – хрипло проговорила она, отперев дверь.

– Здравствуйте, Клара, – сказала Морин и, переступив через порог, вошла в маленькую темную гостиную.

Норман все еще оставался в Кэрисбруке, на Йорк-хилл, и управлял своей компанией по рассылке луковиц и семян прямо со смартфона, не переставая названивать Элиане, которую называл своей партнершей по бизнесу. Джордж в основном сидел на диване, приподняв больную ногу, кроме тех случаев, когда его навещал физиотерапевт – проверить, как идет выздоровление. Как-то уединившись с супругой в спальне, он сказал ей, что уверен: Норман продолжал гостить у них потому, что ему нужно было кому-то излить душу.

– Может быть, у него и здесь есть женщина? – с подозрением спросила Морин.

– Я бы не удивился. Ему всегда нравилось иметь запасной вариант. Лучше спроси у Стэна. Стэн всегда знает такие вещи.

– Да, совсем забыла тебе рассказать. У Стэна новая собака. И это после того, как он клялся, что больше не заведет себе никого, потому что, не дай бог, умрет первым. Этот новый щенок черный как смоль. На нем ни единого белого пятнышка. Он назвал его Спотом. Все остальные были Нипперами. Я подозреваю, что других кличек Стэн просто себе не представляет.

Первоначально настроенный весьма решительно выяснить происхождение «рук из Уорлока» – как их стали называть, – инспектор уголовной полиции Колин Квелл довольно быстро потерял к ним интерес, когда выяснился их примерный возраст. Если бы они пролежали в земле года два или три, можно было бы ожидать весьма интригующего расследования. Но, как оказалось, этой находке шестьдесят или семьдесят лет. Совершенно очевидно, что они – этот мужчина и эта женщина – были убиты. Едва ли кому-нибудь – даже сумасшедшему! – пришло бы в голову отрезать кисти рук у людей, умерших естественной смертью. И никто не закапывает руки отдельно от искалеченных тел. Однако это дело было поручено ему, и он должен был вести расследование, независимо от того, что преступник – убийца или чертов анатом, должно быть, уже и сам к

этому времени был давно в могиле.

За это время поступило множество звонков от людей, которых Квелл считал чокнутыми, психопатами или сумасшедшими. Они твердили, что страшная находка в Уорлок-хаусе – это результат колдовства, что это какой-то очередной Потрошитель «совершенствовал» свое ремесло. Некоторые утверждали, что это останки двух космических пришельцев. Квелл получил лишь одно письмо, что неудивительно, ведь сейчас люди почти не писали писем. В принципе оно выглядело почти таким же сумасшедшим, как и телефонные звонки о колдовстве, но Квелл все-таки задумался.

– Группа детей, играющих на развалинах фундамента дома, – громко произнес он в своем кабинете. – Какие там еще игры? Когда кругом падают бомбы? И я должен этому верить?

Однако он продолжал рассматривать размытый снимок, на котором дети стоят возле подземелья, и решил, что следует все же побеседовать с кем-то из них, хотя все они давно состарились, а кое-кто, видимо, и не дожил до этих дней...

Ему нужно поскорее еще раз наведаться в Лоутон, встретиться с рабочими и с курирующим археологом, которые вели раскопки в поисках других возможных находок в Уорлок-хаусе. Пустая трата времени, подумал он. Кому это нужно, когда прошло столько лет? Жаль, что эта Морин Бэчелор не оставила своего адреса электронной почты. Спасибо, что хоть написала номер телефона. Обычный телефон, не мобильный, отметил он про себя. Ну а что еще можно было ожидать от человека ее возраста?..

Он поговорил с Джорджем Бэчелором. Квелл почти всегда был готов признать свою неправоту. И он, конечно, был не прав по поводу бывшего строителя и его супруги. Судя по голосу, они были намного моложе, чем должны быть. Они сообщили ему имена других людей, которые в детстве бывали в «водоводах». Хорошо понимая, что нежелательно заводить речь о смерти в присутствии любого человека старше шестидесяти лет, Квелл так и не решился спросить, кто из этих людей сейчас жив, а кто нет. Да ему, собственно, это и не понадобилось. Джордж Бэчелор сам рассказал ему о своих уже почивших брате Роберте (фотографе) и сестре Мойре, об Алане и Розмари Норрис, Майкле Уинвуде, Дафни Фернесс, его братьях Нормане и Стэнли и о Билле Джонсоне.

- Думаю, мне нужно всех их повидать.

Джорджу это явно понравилось.

- Если вы навестите меня, я попрошу остальных тоже собраться в моем доме!

- Ну, если это вас не затруднит, - ответил Квелл.

- Нет, конечно, - сказал мужчина. - Приедут все, кто еще здравствует на этом свете.

Ему уже порядком надоело сидеть дома и бездельничать из-за больной ноги. Теперь все складывалось так, как будто он мог сыграть определенную роль в полицейском расследовании, заодно собрав вокруг старых друзей. Он покажет им свои фотографии. Для него это станет своего рода стимулом. Возможно, удастся разыскать Майкла Уинвуда или Стэнли. Стэнли, кстати, все эти годы всегда старался не теряться и поддерживал связь со многими друзьями.

Вокруг его автомобиля уже собралась приличная толпа. Спот сидел в кресле водителя, положив передние лапы на руль. Покупатели, выходящие из соседнего магазина, останавливались в умилении, чтобы посмотреть на щенка. «Ах, какой милашка!» - восклицали многие, махали ему рукой и шли дальше. Стэнли не слишком благоразумно припарковал машину возле полицейского участка прямо на желтой линии, думая, что проведет в магазине всего пару минут. Когда он вернулся, к нему тут же подошел полицейский в форме, бросил суровый взгляд на Спота и сказал, чтобы Стэнли «убрал оттуда собаку» и немедленно уезжал, поскольку нарушает правила парковки. «Вам еще повезло, - добавил полицейский, - что я пока ограничился лишь предупреждением».

Стэнли жестом велел Споту занять место на заднем сиденье, положил на переднее пассажирское сиденье цветы, которые он купил Морин, и поехал в сторону Йорк-хилл.

Он всегда дарил женщинам цветы. Как и его брат Норман, он славился своей галантностью, хотя, по мнению друзей и соседей, в его поведении не было ничего неправильного. Своей жене он все равно покупал больше, чем любой

другой женщине. Еще Стэнли всегда разговаривал со своими собаками. Покинув машину, Споту он тоже сказал, что тот должен хорошо себя вести, тем более что отовсюду может явиться злобный полицейский. Щенок, поглядывая на хозяина, понимающе вилял хвостом. Морин, возможно, и собиралась что-то высказать по поводу присутствия собаки, но огромный букет желтых нарциссов быстро ее успокоил.

- А Дафни еще не приехала?

- Еще нет никого, только ты и, естественно, Норман, - ответила Морин. - Джордж теперь может опираться на свою ногу, поэтому прошу тебя, поддержи его. Ему будет приятно.

- Хорошо. А это Спот.

- Я уже догадалась. Он ведь не напишет мне на пол, не так ли?

- Нет, конечно! Он хорошо воспитанный пес.

Они были еще в прихожей, когда в дверь позвонили. Это были Норрисы и инспектор уголовной полиции Квелл, которые как раз повстречались на подходе к дому. Алан и Розмари дошли до Йорк-хилла пешком. Почти всю дорогу Алан молчал, потому что предчувствовал встречу с Дафни после столь долгой разлуки, но он решил не думать об этом. В ее возрасте приехать сюда было бы непросто. Тем более что она была на два или на три года старше его. Как она сюда доберется? Возможно, на метро. Сначала линия Дистрикт, затем Центральная. Может быть, Стэнли приедет на станцию в Лоутон, чтобы встретить ее. Но Алан не станет спрашивать.

Они вошли в гостиную, створчатые окна которой выходили в сад. Стоял прекрасный солнечный день. Морин принесла большую голубую вазу, наполненную весенними цветами, и поставила на стол. Спот, заметив в саду белку, с лаем бросился за ней.

Поскольку дело близилось к обеду, Джордж предложил гостям «Пино Гриджо», но Квелл от вина отказался, сказав, что он сегодня за рулем. Большинство считает, что все стражи порядка в той или иной степени относятся к транспортной полиции, и один за другим (за исключением Нормана) остальные

тоже не стали пить вино, возможно, в душе чувствуя, что инспектор Квелл сочтет употребление ими алкоголя оскорбительным для себя, а значит, своего рода преступлением. Угощение, однако, было вполне приемлемо, и даже Квелл взял себе сандвич с копченым лососем.

– Ну хорошо, может быть, начнем? – сказал он. – Мы ведь не обязаны всех ждать, не так ли?

Джордж заговорил о водоводах, о том, как он и его братья – «бедняга» Роберт и Стэнли – были первыми, кто их обнаружил. Лишь немного позже, когда он уже в юности занялся строительным делом, он понял, что водоводы – это фундамент дома, возведение которого было остановлено в начале войны.

– Так, значит, это был фундамент Уорлока? – спросил Квелл.

– Нет-нет, отец Майкла Уинвуда запретил нам там играть. Он подошел ко входу в подzemелье и закричал, чтобы мы выходили. В те дни дети были послушными. Мы сделали так, как нам велели. Вышли и отправились по домам. После этого мы никогда больше не ходили туда, и через какое-то время там все заросло. Не знаю, кто потом все это начал, но сейчас уже и не узнаешь. Там были сплошь сельхозугодья, и наша фирма – то есть мой брат Стэнли и я – выкупила себе столько, сколько можно, и одним из домов, который мы построили, стал Уорлок. Мне кажется, это было где-то рядом с нашими водоводами. И произошло это году в пятьдесят втором или пятьдесят третьем.

– Вот вы говорите, что играли там... А во что? Сдается мне, в подземных проходах заняться особенно нечем.

Они с сожалением посмотрели на него. Он говорил с ними из века компьютеров и онлайн-игр, электронных книг, DVD-дисков, скайпа, смартфонов и айпадов. Они же были представителями далекого прошлого, когда все читали книги, и большинство людей чем-то увлекались, что-то мастерили собственными руками, играли в карты и шахматы, шили, рисовали, писали друг другу письма и отправляли открытки.

Алан начал рассказывать о том, как они проводили время: как обмазывали картофель глиной и пекли в старом водяном баке; как играли в свои любимые «сардинки»[8 - Детская игра, в конце все играющие оказываются в «доме»,

набитом, как коробка сардин.]; устраивали пикники с сэндвичами из сыра, играли в карты; как разыгрывали любимые сценки из истории о Марии, королеве Шотландии, и Риццио (озадаченный Квелл видел передачу «Мария – королева магазинов»[9 - Документальный сериал о модных бутиках и шопинге.], но никогда не слышал о шотландской королеве), о Генрихе VIII и шести его женах, о гибели адмирала Нельсона. Среди них еще была девочка, умеющая предсказывать судьбу. Она садилась посреди освещенного свечами подземелья и рассказывала каждому о его будущем. Он слегка замешкался, когда перешел к рассказу о гадалке.

Вскоре раздался дверной звонок, и в гостиную вошла Дафни Фернесс в сопровождении мужчины, которым оказался не кто иной, как Майкл Уинвуд.

Если бы он увидел ее на улице, то, наверное, не узнал бы. Конечно, ведь прошло шестьдесят лет. Он узнал ее теперь только потому, что больше никого не ждал. Кто же еще это мог быть, как не Дафни? На ней был элегантный черный костюм, белая шелковая сорочка и туфли на очень высоких каблуках. Розмари всегда говорила, что пожилые женщины не могут носить высокие каблуки, поскольку у них уже ослабло чувство равновесия. Но Дафни могла. Изредка заглядывая в субботние или воскресные приложения газет, он заметил, что сейчас возникла тенденция снимать вместе с молодыми манекенщицами пожилых женщин, которым на вид не меньше шестидесяти или семидесяти лет. Именно одна из таких изящных пожилых женщин, с длинной шеей и стройными ногами и напомнила ему Дафни. Он медленно поднялся.

Она и Стэнли поцеловались в щеку, просто чмокнулись и даже не обнялись. Алан протянул руку, и Дафни пожала ее. Ее пальцы были тонкими и прохладными. Все былые воспоминания о ней в одну секунду вернулись.

- Наверное, ты не помнишь уже, но ты и мне предсказывала судьбу.

Она улыбнулась, обнажив прекрасные зубы, – возможно, это были коронки или импланты.

- Ну и как же у тебя все сложилось?

- Ты мне предсказывала долгую и счастливую жизнь.

– Ну, первое уж точно сбылось. А как насчет счастья?

Здесь вмешалась Розмари.

– Мы очень счастливы, спасибо тебе! – сказала она с резкостью в голосе.

Испытывая нетерпение от прерванного разговора, инспектор Квелл продолжил:

– Мне хотелось бы услышать, что расскажут нам миссис Фернесс и мистер Уинвуд об этих ваших водоводах. – Он повернулся к Дафни: – Были ли там взрослые – ну, то есть там, вместе с вами?

– Они даже не знали, что мы туда ходили. Кажется, они ничего не знали о подземельях.

– До тех пор, пока мой отец не выгнал нас оттуда, – добавил Майкл Уинвуд.

– Помню, как приходил еще один взрослый, – сказал Алан. – И кажется, всего раз. – Он окинул взглядом теперь уже изрядно постаревших «детей». – Это был дядя Льюиса Ньюмена. Льюис, кажется, называл его дядей Джеймсом.

– Он был тогда молод, – сказала Розмари. – Ну то есть все говорили, что он молод. Мне-то в то время трудно было сказать, кому двадцать пять лет, а кому сорок. По словам Льюиса, его отец считал, что тот слишком молод, чтобы быть дядей. Я знала, что моему папе в то время было сорок, а маме тридцать восемь. Значит он, видимо, был намного моложе. – Она с сомнением взглянула на инспектора Квелла: – Возможно, это не так уж и важно.

Квелл выглядел так, будто все, что он только что услышал, относилось как раз к такой категории. Но, набравшись терпения, он тем не менее расспрашивал всех, и один за другим они рассказывали ему все, что знали. Инспектор не делал никаких пометок и ничего не записывал. Возможно, у него была хорошая память. После того как с этим было покончено и он узнал о воющих сиренах, о бомбах, которых все ждали, но которые, слава богу, так и не упали на Лоутон, о пище, которую приходилось в те дни есть и которую никто терпеть не мог, о тайных сборищах в туннелях, которые они тогда называли водоводами, Квелл взял у каждого адрес и номер мобильного. Он сказал, что, возможно, позвонит, чтобы

узнать еще что-нибудь. И попросил вспомнить, не пропал ли кто-нибудь без вести в то время. Розмари написала их телефонный номер, а Морин вытащила из ящика фирменный бланк с наименованием строительной фирмы Джорджа и Стэнли.

Стэнли вывел Спота в сад, потому что почувствовал, что щенок может испортить ковер в гостиной. Майкл Уинвуд сказал, что, поскольку они живут недалеко друг от друга, она в Сент-Джонс-Вуд, а он в Уэст-Хемпстеде, Дафни подбросит его домой. Дафни вытащила из сумочки карточку, а затем случилась странная вещь. Должно быть, две карточки слиплись между собой, когда она наклонялась через стол, чтобы передать одну из них инспектору Квеллу. Вторая отделилась и упала на пол. В то время как Розмари забирала пальто из прихожей, Алан быстро наступил на карточку. Он был абсолютно уверен, что этого не заметил никто, кроме Дафни. Та перехватила его настороженный взгляд и едва заметно улыбнулась. К тому времени, когда Розмари возвратилась, Алан ухитрился поднять карточку, предусмотрительно «уронив» носовой платок.

Автомобиль Дафни оказался не дорогим итальянским или немецким лимузином, который, возможно, ожидал увидеть Майкл, а серебристой «Тойотой-Приус», к тому же не новой. Дорога через лес выглядела почти такой же, как и во времена его молодости, но старые названия, казалось, не сохранились. Знал ли теперь кто-нибудь, что подразумевалось под окольным путем Уэйка или Новой Эппинговой дорогой? Дафни вела машину уверенно, даже непринужденно. Он ожидал, что, прежде чем сесть за руль, она переоденет обувь, сменив туфли на что-нибудь более практичное, но на ее ногах были все те же высокие каблуки, и это вовсе ей не мешало.

- Что ты обо всем этом думаешь? - спросил он.

- Довольно бессмысленная затея. - Они пронеслись через туннель Белл-Коммон, повернув на Уолтем-Эбби. - В тот год как раз умерла твоя мать, не так ли? Ну, то есть когда мы собирались в том подземелье. Должно быть, тебе пришлось нелегко.

Несколько замешкавшись, Майкл ответил:

– Просто все так думали, что она якобы умерла. Мой отец все выставил так... Но она не умерла. Просто уехала с кем-то отсюда. Я подозреваю, что с каким-то мужчиной. У них с отцом был ужасный брак. Мне было всего девять лет, но я хорошо помню, как они кричали друг на друга. Как будто все происходило вчера. Отец сказал мне, что она не умерла, но я никогда ее больше не увижу. И все эти годы я никому ничего не рассказывал. «Ей никто из нас не нужен, – сказал тогда он. – Никого из нас она видеть не желает».

– Но ты же виделся с ней?

– Нет, никогда. Меня оставили с отцом. У него был какой-то сердечный недуг, своего рода болезнь сердца, и это сильно сказывалось на его самочувствии. Ему я тоже был не нужен. Меня отправили жить к тете Зоу. На самом деле она приходилась папе двоюродной сестрой. Но Зоу оказалась прекрасной женщиной, она была очень добра ко мне, и с ней жилось хорошо. Я ее очень любил. И до сих пор люблю, ведь она, слава богу, все еще жива.

Дафни кивала, но некоторое время ничего не говорила. Они сейчас проезжали через какую-то сельскую местность, и Майкл подумал, что это Грин-Белт, на самой окраине Хартфордшира.

– А они что же, развелись, твои родители?

– О таких вещах взрослые детям не говорили. По крайней мере тогда. Разве ты не помнишь?

– Да, помню... А как же твой отец?

– Он сейчас в приюте для престарелых. С тех пор как я оказался у Зоу, я с ним больше не жил. Мои родители, должно быть, все-таки развелись, потому что он потом снова женился. Вплоть до того времени, когда мы играли в водоводах, у меня не было счастливого детства, но потом все наладилось. Потом я чувствовал себя отлично.

– У меня детей нет, – сказала Дафни. – А у тебя?

– Двое. Один большую часть времени проводит в Америке, а другой торчит в Гонконге.

На это сказать было, в общем-то, нечего. Фраза «Ты, должно быть, скучаешь по ним» просилась на язык, но Дафни не любила банальности. Она свернула с Хендон-Уэй и выехала на Форчун-Грин-роуд. Потом свернула на улицу, где в высоком доме из красного кирпича жил Майкл.

– Спасибо, что подвезла, Дафни.

– Мне просто было по пути, – ответила она.

– Зайдешь на минутку?

– Не думаю. Не в этот раз. Зато теперь я знаю, где ты живешь. Звучит не слишком зловеще? То есть теперь я знаю, что мы могли бы поддерживать контакт. – Она вручила ему карту, идентичную той, которую до этого поднял с пола Алан Норрис. – До свидания, Майкл.

Подождав, пока он войдет в дом, она проехала вниз по склону до поворота на Гамильтон-террас. Там она припарковала машину, прошла через застекленный переход и распахнула блестящую лаком черную дверь. Как всегда, войдя в дом, Дафни встала в широком холле и, мысленно обращаясь к третьему мужу, который, почив, оставил ей все свое имущество, громко сказала:

– Спасибо тебе за все, Мартин.

А наверху, на Ингем-роуд, Майкл также отдал своего рода дань уважения мертвой супруге. Пришлось преодолеть два весьма крутых лестничных пролета, но это упражнение редко напрягало его физически. Он привык к этому и был уверен, что пробежки по лестнице благотворно влияют на его сердце. Он делал это каждый день не для того чтобы ночевать в этой спальне, которая занимала весь второй этаж – с тех пор прошли годы, – а просто чтобы посидеть там некоторое время в одном из небольших розовых кресел и убедиться, что комната осталась такой же, как и тогда, при жизни Вивьен. Пока он был в Лоутоне, приходила миссис Бейли, которая убирала в доме. После ее уборки редко сохранялся прежний порядок. Картины, например, иногда висели не совсем ровно, бутылки из граненого стекла с серебряными пробками оказывались

сдвинутыми и стояли порой слишком близко друг к другу, а розовая подушечка с брошками и булавками после протирания туалетного столика от пыли оказывалась на самом его краю, грозя вот-вот упасть на ковер.

Иногда он задавался вопросом, что сама миссис Бейли думает об этом его желании сохранить спальню Вивьен именно в том виде, в котором она была при ее жизни. Хотя на самом деле ему было все равно. Уже несколько лет он считал себя слишком старым человеком, чтобы беспокоиться о том, какое впечатление производят на других людей он и его привычки. Какое это имело значение? В своем возрасте он мог поступать так, как ему вздумается. Его дети, по-видимому, считали, что он впал в старческий маразм, но они почти не бывали здесь, а когда заезжали, то никогда не поднимались на второй этаж. О своем отце он не вспоминал.

Глава четвертая

Колина Квелла мало интересовали сами люди: что они могли подумать, как могли бы поступить в будущем. Если бы у него сформировалось какое-нибудь мнение о тех, кто собрался в тот вечер в гостиной у Джорджа и Морин Бэчелор, то в нем прежде всего присутствовало бы удивление по поводу того, что они прожили так долго и, очевидно (за исключением Джорджа), без каких-либо серьезных недугов и болезней.

Квелл возобновил свое расследование, сосредоточившись сугубо на фактах, и через неделю после своего визита в Лоутон уже получил различные сведения по поводу возраста и происхождения злополучных кистей рук.

То, что одна рука принадлежала женщине, а другая – мужчине, он и так уже знал. Женщине, судя по всему, было под тридцать, а мужчине – на несколько лет меньше. Умерли они не там, где были найдены кисти, а несколько дальше, возможно, шагах в ста. Это было установлено после анализа почвы, в которой обнаружили жестяную коробку: это была глина, а не обычная земля с песком и перегноем. Подтвердилось предположение Квелла о том, что изначально кисти рук были спрятаны в тех самых «водоводах», о которых вспоминали старики. Это, конечно, ничего не доказывало, просто делало его догадку более правдоподобной.

Когда он прочитал отчет еще раз – и на дисплее, и в распечатке, – то в голову полезли те же мысли, что и в самом начале, когда ему поручили чертовое расследование: кому теперь, черт возьми, это нужно?! Люди убиты почти семьдесят лет назад. Кто-то, кто тоже давно умер, убил их, а потом по каким-то невообразимым причинам отрезал кисти рук и положил их в коробку из-под печени. Квелл был потрясен не самим фактом изуверства, ведь за время службы в уголовной полиции он успел повидать и не такое, а прежде всего тратой денег налогоплательщиков на никчемное расследование. Если ничего не удастся обнаружить, то что ж, как говорится, тем лучше. А если после многих месяцев кропотливого расследования он все-таки выяснит, кто убийца? Квелл тут же вспомнил одну фразу из латыни: *Cui bono?*[10 - Кому от этого польза? (лат.)]

Пришло приглашение на бракосочетание Фрей, и Алану казалось, что у Розмари больше нет других тем для разговора. Как и большинство мужчин, он был довольно равнодушен к свадьбам, пусть даже речь шла и о собственной внучке. На симпатичной открытке не было ни единого упоминания о церкви или о ратуше, был лишь указан адрес гостиницы у реки в Кью, где, как предполагали Норрисы, и состоится «свадебный завтрак».

– Наверное, и сама церемония пройдет там же, – проговорил Алан.

– А я искренне надеюсь, что нет. – Розмари снова тщательно исследовала открытку. – Если они решили устроить что-то необычное в холле гостиницы, то лично я, наверное, так и не почувствую, что они вообще женаты.

– Это их выбор. И мы им здесь не советчики. Я слышал об этом местечке у реки. Там довольно мило.

Розмари сказала, что лучше продолжит шитье – на этот раз речь шла о платье для себя, – и направилась к себе в комнату. Но Алан остановил ее, заявив, что в такой погожий день им лучше пойти прогуляться. Он собирался выйти, но не хотел оказаться в одиночестве.

– На этот раз можно купить готовое платье, – сказал он. – Мы вполне можем себе это позволить. Или пригласить на дом портного, как думаешь?

Она не ответила, но на прогулку согласилась, и хотя ни один из них не чувствовал себя заправским марафонцем, как полтора-два десятка лет назад, прогулка вниз по склону и вдоль Брук-роуд до Хай-роуд и поля для крикета, вверх по Трэпс-хилл и обратно была им вполне по силам. Алан твердил себе, что не хочет идти один, но на самом деле все обстояло как раз наоборот. Побродить в свете весеннего солнца по знакомым улицам, мимо знакомых зданий и садов и подумать – вот чего ему на самом деле хотелось. Когда они вышли, Розмари в основном молчала. Возможно, она тоже о чем-то задумалась, но в ее случае скорее всего о печальном устройстве нынешнего общества, с одобрения которого молодые пары сочетаются браком в каких-то гостиницах, а не, скажем, в церкви Пресвятой Девы Марии.

Он сунул руку в карман пиджака и нащупал визитную карточку, которая пролежала там последние десять дней или около того. Ее наличие слегка встревожило его: наверное, все же не следовало ее поднимать или по крайней мере он должен был порвать ее по возвращении домой. Вместо этого он прочитал ее несколько раз: Дафни Фернесс, Гамильтон-террас, 67А, Лондон NW8. Далее следовал адрес электронной почты, номера мобильного и городского телефонов. Он много думал о ней, когда она сидела в гостиной у Джорджа Бэчелора. Она выглядела моложе любой из присутствующих там женщин. Какие у нее замечательные ноги, а эти туфли... Не ходи туда, повторял он про себя наставление Фреи или, может быть, Фенеллы. Ни в коем случае.

Розмари прикоснулась к его руке, затем сжала пальцами его ладонь.

– Ты дрожишь, дорогой, – сказала она. – С тобой все в порядке?

– Все отлично.

– Посмотри, куда мы пришли. Ты, наверное, не узнал, не так ли? Задумался о чем-то.

Они проходили рядом с Уорлоком. Сам дом выглядел пустым, все шторы на окнах были опущены. Большой котлован, выкопанный для закладки фундамента, был накрыт брезентовыми полотнищами, на которых после проливных дождей образовались небольшие лужи.

– Довольно печальное зрелище, не правда ли? Такой замечательный дом. Будет ли он таким же, как прежде?

Алан, который обычно настраивал себя на то, чтобы во всем потакать супруге, вдруг понял, что сейчас совершенно с ней не согласен. Ему хотелось сказать, что с этой белой штукатуркой и темно-коричневыми полосами в фахверковом стиле он выглядел не таким уж красивым, и если его вид теперь изменится, то это только к лучшему. Он лишь задавался вопросом, продолжится ли дальше эта невысказанная «нелояльность» и можно ли от нее как-то избавиться. Он мягко убрал свою руку из ее ладони и сунул в карман, где тут же снова нащупал визитку, которая перемещалась под его пальцами, словно живая. Он тут же вспомнил прикосновение пальцев Дафни в момент рукопожатия при прощании.

Когда день незаметно перешел в вечер и Розмари, несмотря на все его слова о дизайнерском платье, вернулась к своей швейной машинке, он сказал себе, что должен все-таки определиться и выбрать один из двух вариантов: выбросить визитку или позвонить по обозначенному на карточке телефону. Как человек, выбирающий между неверностью и преданностью – что вполне соответствовало его нынешнему состоянию, – он должен был решить. Конечно же, он бы ни за что не позвонил. Он вспоминал свою целомудренную безупречную жизнь, мысленно напоминая себе о возрасте – ее и своем. А потом еще о том, как в молодости Дафни много раз брала отцовский автомобиль и они, остановившись под густыми кронами Болдуинс-хилл, занимались любовью на заднем сиденье или где-нибудь в лесу неподалеку. О, ты прекрасна, возлюбленная моя... И ложе у нас – зелень. Кровли домов наших – кедры; потолки наши – кипарисы[11 - Библия. Ветхий Завет. Песнь песней Соломона.]. Где он это вычитал?

Алан приоткрыл дверь комнаты Розмари и проговорил:

– Выйду немного прогуляться.

Та ответила, даже не сняв ногу с педали:

– Мы же недавно выходили на прогулку.

– Знаю, но мне нужно еще проветриться. Ты ведь не возражаешь?

– Конечно, нет, любимый. Но не забывай и про ужин. Он будет готов ровно в семь, хорошо?

Они жили вдвоем, и к ужину предполагалось холодное мясо и салат. Так почему обязательно в семь? Почему? Потому что так было всегда. Он знал, что не может ничего изменить. Вниз по склону холма, на противоположную сторону Хай-роуд, затем вверх на Йорк-хилл, мимо бунгало под названием Кэрисбрук и, минуя Болдуинс-хилл, к бетонированной площадке посреди зеленого газона, подступающего к лесу. Здесь как раз и было место, где когда-то молодые пары оставляли родительские автомобили. Сейчас это уже в прошлом, подумал Алан. Нынешние подростки запросто приводят домой любовника или возлюбленную, с которыми проводят ночь прямо в родительском доме. В его время никому бы даже в голову такое не пришло. Тридцать лет спустя его собственный сын Оуэн обратился с подобной просьбой, но Розмари тут же ответила категорическим отказом. Если бы решение этого вопроса оставили на его усмотрение, Алан не возражал бы, помня о собственных тайных встречах с Дафни в ее автомобиле. Вечером в лесу было темно, они выключали фары и предавались страсти...

Сейчас здесь не было ни одной машины. Он точно помнил, где Дафни обычно останавливала свой автомобиль, – прямо под нависающими ветвями. И ложе у нас – зелень... Она ничего не боялась, а если и боялась, то никак не выдавала этого; он же, слепо веря в разные истории про то, как юношей и девочек судили за непристойное поведение в общественных местах, боялся всегда. Но он был тогда очень молод, и его нервозность не могла воспрепятствовать непреодолимой страсти к Дафни. Он не просто хотел, он жаждал ее, и его не могла остановить даже луна, внезапно появлявшаяся из-за облаков и напоминавшая свет полицейского фонарика. Всего таких встреч у них было, наверное, больше десятка...

В отличие от других тайных посетителей Болдуинс-хилл, которые боялись возможной беременности, они с Дафни совершенно не предохранялись. Правда, она так и не забеременела.

Он ей писал, она отвечала, но потом их пути разошлись. И хотя ее семья все еще жила в Лоутоне, все-таки три месяца – слишком долгое время, когда вам чуть больше двадцати. Их переписка прекратилась, хотя однажды, два года спустя, он получил от Дафни рождественскую открытку. Теперь, стоя на небольшой зеленой лужайке и вглядываясь в темнеющие заросли, он раздумывал над тем, что мог бы ответить на то поздравление. Хотя к тому времени он уже начал

встречаться с Розмари, его «детской любовью», как называла девушку его мать. В их отношениях, конечно, ничего подобного не было, поскольку Розмари берегла себя для будущего брака.

Повернувшись, он отправился обратно по Стоуни-пат и Харутер-драйв. Когда он пересекал Черч-хилл, то почувствовал внезапную усталость. Для старика он проделал в этот день слишком большой путь. Ему ведь уже больше семидесяти. Надо ли сейчас тосковать по давно ушедшей молодости и по женщине, у которой было три мужа? Когда он вернется домой, то отыщет ножницы и уничтожит улику, как просроченную кредитную карточку, а обрезки выбросит в мусорное ведро. Эпизод под названием «Дафни» окончен, подумал он.

Отпирая дверь своего дома, он услышал мягкое гудение швейной машины, и почувствовал, как внутри закипает злость. Но он все равно открыл дверь в комнату Розмари, чтобы возвестить о своем приходе.

– Вот и хорошо, – сказала она, поднимаясь. – Пойду готовить ужин.

Визитная карточка Дафни все еще лежала в его кармане. Ну, конечно, куда же ей деться? Розмари не пришло бы в голову рыться в карманах его одежды. Что же с ним происходит, если он размышляет о возможном обмане своей жены? Но он и так уже обманывал ее. Этот визит на Болдуинс-хилл и сопутствующие воспоминания сами по себе – обман. Его нынешние мысли тоже были своего рода обманом. Внезапно он отвлекся и вспомнил о котловане, мимо которого проходили они с Розмари, и о найденных в том месте кистях рук. Мужчина и женщина. Может, это любовники, которых убил мстительный муж или, скажем, разъяренная жена? Это случилось так давно, что, наверное, настоящую причину их гибели никто никогда не узнает...

Он все еще держал в руке визитную карточку Дафни. Вместо того чтобы разрезать на куски или как-то иначе уничтожить, Алан все-таки снова сунул ее в карман.

Глава пятая

Когда за несколько месяцев до этого умерла Джо, Льюис Ньюмен получал письма с соболезнованиями от людей, которых он знал в различные периоды своей долгой жизни: от студента-медика, имени которого так и не смог вспомнить, от соседа из Бирмингема, от еще живых друзей, от партнера по врачебной практике, с которым он работал в последнее время. Было также письмо от кого-то из школьных товарищей. Большинство этих людей, за исключением друзей, прочитали сообщение о смерти Джо в «Таймс». Собственно, для этого и были предназначены некрологи, подумал Льюис.

В соответствии с правилами вежливости он ответил на все эти письма. При жизни Джо подобными вещами занималась она, и, сочиняя письмо к одному из жителей Бирмингема, он подумал, что это первое подобное официальное письмо, которое он когда-либо писал. Ньюмен до последнего не отвечал на письмо школьного друга, потому что оно оказалось самым интересным. Письмо прислал Стэнли Бэчелор, но едва ли его можно было назвать простым соболезнованием. Правда, Бэчелор действительно написал о том, что глубоко сожалеет о смерти Джо, но Льюис не мог про себя не отметить, что тон письма, скорее, выдавал некоторое облегчение – как у человека, который долгие годы ухаживал за тяжело больной женщиной, а теперь в какой-то степени обрел свободу после ее ухода в мир иной. Это настолько перекликалось с собственными ощущениями Льюиса – чем он бы никогда ни с кем не поделился, – что тот сразу проникся симпатией к Стэнли Бэчелору.

Бэчелоры. Воспоминания об этом семействе вновь вернулись к нему сейчас, спустя почти семь десятков лет. Его собственная семья жила на Брук-роуд, а Бэчелоры – на Тайсхерст-хилл. У Стэнли была собака по кличке Ниппер. Как здорово вспоминать об этом! Одного из братьев Стэнли, кажется самого младшего, звали Норман, и он имел обыкновение хвастаться тем, что был рожден прямо на кухонном столе. Письмо было отправлено из Тейдон-Бойс. Получается, что Стэнли живет не так уж далеко от Лоутона, а если и уезжал, то возвратился снова. Имелся также и адрес электронной почты. Большинство людей их возраста не обменивалось электронными письмами. Они едва понимали, что это такое. Последняя строчка письма – до фразы о «глубоких соболезнованиях» – гласила: «Если ты долгие годы не вспоминал об этом захолустье, газетные истории об Уорлок-хаусе наверняка вернут все на свое место. Удивительное дело. Было бы здорово когда-нибудь встретиться, если у тебя появится такое желание».

Смерть, размышлял Льюис, это нечто, что заново воссоединяет старых друзей, разъединенных долгой разлукой. В детстве ему очень нравился Стэнли Бэчелор. Понравится ли он ему теперь? Как бы то ни было, это как раз тот человек, с которым можно обсудить если не то, что сейчас происходит в Уорлоке, то хотя бы то место, которое они называли как-то необычно... да, кажется, водоводами. Он не мог вспомнить почему. Это и еще кое-что, что, впрочем, никогда его особенно не беспокоило, засело где-то в глубине подсознания еще с тех пор, как он и Стэнли Бэчелор были друзьями.

Зато это волновало его мать. Она и ее брат, дядя Джеймс – никто никогда не называл его Джимом, – крепко дружили, хотя она была на семь лет старше его. А возможно, все и благодаря тому, что она была на семь лет старше и, как это было принято в двадцатые годы, должна была присматривать за ним с детства.

Льюис часто вспоминал о дяде Джеймсе. Когда они только поженились, он рассказал Джо о нем и о его странном исчезновении.

– Он ведь погиб на войне, не так ли?

– Чтобы это случилось, он должен был пойти на воинскую службу, а этого, похоже, не произошло.

– Сейчас это уже не имеет значения, – сказала Джо.

– Это имеет значение для меня и для мамы. Он ведь исчез.

– Я где-то читал, что тогда исчезли многие. Одни были в зданиях, которые разбомбили немцы. Других, к примеру, забрали на работы в шахтах, где они погибли под завалами. Ну и так далее.

Льюис не стал продолжать. Он знал, что в данном случае все произошло как-то по-другому. Дядя Джеймс жил с ними на Брук-роуд и, похоже, все-таки вступил в армию. Сначала его признали непригодным из-за какой-то ерунды, кажется, кривизны левой ступни. Но он не отчаялся, и со второй попытки его все же взяли в армию. Он собирался приехать домой в Лондон, где жил с тетей и дядей, но так туда и не добрался. Его дядя пытался отыскать его. Но Джеймс не сообщил, где будет расквартирована его часть. Родные узнали имена и адреса двух парней, с которыми он должен был начать подготовку. Оба ответили на письма.

Но никто из них не слышал о рядовом Джеймсе Рэйменте. Хотя он всех уверял, что пошел в армию. Все попытки отыскать его ни к чему не привели. Он бесследно исчез...

Все это случилось больше шестидесяти лет назад, и с тех пор о дяде Джеймсе никто не слышал. По словам Джо, в военное время люди часто исчезали. Это было подходящее время, чтобы сменить документы, исчезнуть, скрыться от властей. В те дни у человека было удостоверение личности и продовольственная книжка, но на этом-то все и заканчивалось. Никаких проездных, кредитных карт, мобильных телефонов; у большинства – никаких водительских прав и, вероятно, никакого счета в банке. Вы были свободны. Могли запросто скрыться, стать кем-то другим, исчезнуть. Семья Льюиса сделала все, что могла, чтобы отыскать дядю Джеймса, но любые усилия оказались тщетны. Через некоторое время его исчезновение стало постепенно отступать на второй план. Он для них не умер, но как будто уехал далеко-далеко, куда-то на отдаленный и недоступный для других континент. Возможно, так и случилось. Люди редко пересекали океаны, отправка писем авиапочтой была делом хлопотным, а стоимость телефонного звонка – непомерно высокой. Дядя Джеймс, возможно, и пытался им позвонить, но не получилось.

Мать Льюиса продолжала надеяться на то, что в один прекрасный день он все-таки постучит в двери. Джеймс часто бывал у них на Брук-роуд, и Гвен Ньюмен теперь вспоминала, что брат регулярно уходил по вечерам. Не то чтобы каждый вечер, но часто, и у нее создалось ощущение, что ему было неловко жить вместе с ней, ее мужем и Льюисом, потому что его воспринимали как гостя. Когда Джеймс исчез, она тут же вспомнила эти его отлучки, и ее слова запечатлелись в голове у Льюиса на долгие годы.

– Я должна была спросить, куда он уходил, но никак не решалась. В конце концов, он ведь был уже взрослый. Он возвращался очень поздно. По крайней мере я уже спала.

– Теперь, когда ты об этом говоришь, – сказал отец Льюиса, – я вспоминаю, что он частенько являлся лишь за полночь.

– Однажды я его спросила, как он провел вечер, но он лишь ответил: «Прекрасно, спасибо» – и больше не произнес ни слова.

– Иногда я спрашивал себя, почему он оставался с нами. Должно быть, скучно бездельничать по вечерам.

– Ему-то было чем заняться, – сказала Гвен. – У него была подружка. Женщина. Он встречался с ней, и, возможно, она была замужней. Именно поэтому он никогда нам ничего не рассказывал.

Тейдон-Бойс был одним из дальних пригородов Лондона, и до одноименной станции можно было добраться прямо на метро, по Центральной линии. Это было превосходное тихое место с магазинчиками, большими и маленькими домами – по сути, утопающая в зелени деревня, – и к тому же в лесу Эппинг. К сожалению, отсюда был слышен отдаленный рев автострады M25. Правда, в шестидесятые годы, когда здесь поселился Стэнли, ее еще не построили. Некоторые гости этих мест, считая себя умнее других, произносят название пригорода «Тейдон-Буа» – на французский манер, – но правильнее все-таки «Тейдон-Бойс».

Стэнли и Джордж, братья Бэчелор, построили здесь несколько домов. Стэнли с Элен жили в одном из больших особняков. Бэчелор купил его, когда дети разъехались, его первая жена умерла, и он женился на женщине, которая была на двадцать лет моложе его. Когда он написал Льюису Ньюмену, пригласив его на обед, то предположил, что Льюис приедет на машине. Но он бросил водить за шесть месяцев до смерти Джо и предпочел метро. Илинг был на одном конце Центральной линии, а Тейдон – на другом, так что можно было целый час или даже больше сидеть в поезде и перечитывать своего любимого «Графа Монте-Кристо».

Стэнли встретил его на станции со Спотом на поводке. К большому огорчению для Спотти, они тут же уселись в машину. Льюис не был настроен на прогулку.

– Совсем как в деревне, – заметил он.

– Но это и есть деревня.

Ньюмен в ответ едва заметно улыбнулся и пожал плечами.

– На обед заедет мой братец Джордж, – сообщил Стэнли. – Ему не терпится снова повидаться с тобой.

Джордж был единственным из Бэчелоров, которого Льюис откровенно недолюбливал. Он считал его чересчур властным и энергичным.

– Выздоровливает после операции на бедре.

– Это всех нас ждет рано или поздно, – сказал Льюис тоном опытного врача-терапевта, знающего, какие недуги свойственны для людей пожилого возраста.

– Надеюсь, меня сия чаша все же минует. Я стараюсь держать себя в форме, регулярно гуляя со Спотом.

Джордж к тому времени уже прибыл и восседал в кресле, подняв ногу и поставив рядом вездесущую трость. Его большая черная «Ауди», которой управляла супруга, стояла возле гаража Стэнли, а сама Морин в это время потягивала херес вместе с Элен – женщиной лет пятидесяти с серебристыми волосами, одетой в темно-зеленые кожаные брюки и атласную блузку.

– Как ты знаешь, этот дом построили мы, – сказал Джордж, когда Элен вручила Льюису бокал с хересом.

– И Уорлок-хаус – тоже, – добавил Ньюмен и прищурился. – Надеюсь, не ты спрятал эти руки в подвале.

Никто никак не прокомментировал его замечание. Льюис ожидал, что кто-нибудь выскажет свое сожаление по поводу смерти Джо, но этого никто не сделал. Он и не возражал – он бы даже не нашелся, что ответить на соблезнования, однако все же счел это странным. Элен сообщила, что обед скоро будет готов. Стэнли отпустил собаку в сад, а Джордж, открыв огромный альбом с фотографиями, показал Льюису единственный снимок водоводов. У входа в туннель стояли улыбающиеся дети, ни одного из которых Льюис так и не смог узнать. Джордж принялся рассказывать, как они отыскали это место, как собирались там втайне от всех.

– Наверное, я пробрался туда первым.

– Я тоже, – сказал Стэнли. – Я был вместе с тобой. Это был храбрый поступок. Ведь все могло обрушиться.

– Квелл, – сказал Джордж, – больше интересовался взрослыми, которых мы могли встретить поблизости.

– Кто такой Квелл?

– Полицейский. Он приехал к Джорджу, собрал всех и с каждым побеседовал. Ну, с каждым, кто еще жив. Были я, Норман, Джордж, Майкл Уинвуд, Алан Норрис и та Розмари, на которой он женился. Ах да, и еще Дафни Джоунс. Сейчас она Дафни Фернесс.

Наступила тишина, обычно вызываемая произнесением этого имени.

– Ах да, Дафни Джоунс, – сказал Льюис и добавил: – Так, значит, полицейский хотел разузнать о взрослых, которые туда приходили? И что же, взрослого привел кто-то из нас?

– Видимо, да, – сказал Стэнли. – Даже если и так, он или она к настоящему времени уже мертвы.

Прежде чем он мог продолжить, возвратилась Элен и сообщила, что обед готов.

Это был очень хороший обед, который Льюис не мог не оценить. Стол был накрыт превосходно, на нем сверкали серебряные приборы, хрустальные бокалы и вазы. Последние годы, особенно когда тяжело заболела Джо, он давно не ел такой изысканной пищи и не пил такого вина. Все это смягчило его отношение к Бэчелорам, но не расположило рассуждать о том, кто из взрослых, по его мнению, мог приходить в туннель. И все же в голове у него вертелась мысль, которая все чаще не давала ему покоя в последние дни. О том, что теперь он не имел того, что не так давно считал само собой разумеющимся, – бесконечного будущего. Он был одним из старейших посетителей подземелья, и забывать об этом сейчас было бы неправильно. Артрит едва ли убьет его, а вот сердце – вполне может...

Его грезы прервала Элен, которая спросила, о чем он так задумался. Льюис ответил, криво улыбнувшись, что едва ли это поймет тот, кому нет и тридцати. Его замечание пришлось не по душе Элен, которая, вероятно, предполагала, что подпадает именно под эту возрастную категорию. Морин не смогла исправить положение, перехватив его взгляд и подмигнув.

– Я глубоко убеждена, – сказала она, когда они вышли из-за стола, – что мы больше не услышим про эти руки. Простите, но я не хотела говорить об этом во время еды. К настоящему времени полиция уже знает, что ничего не найдет, да и вообще, кому это все нужно?

Никто не ответил. Все расселись, а Джордж хрипло заметил, что у него опять заболела нога, и вопросительно взглянул на Морин.

– Сейчас, дорогой, только допью кофе.

Оставшуюся часть вечера в Тейдон-Бойс Льюис провел, расспрашивая Стэнли о том, как связаться с инспектором уголовной полиции Колином Квеллом, а когда Джордж и Морин уехали, стал тоже собираться. Ему предстоял долгий путь на противоположный конец Центральной линии метро. Он поблагодарил Элен за великолепный обед, но понимал, что скорее всего оскорбил ее своим замечанием в ответ на ее вопрос. Неожиданно Стэнли заявил, что проводит его до станции, объяснив, что нужно выгулять Спотти.

– Почему ты называешь его Спот[12 - Spot (англ.) - пятно.], хотя он весь черный, без единой крапинки? – спросил Льюис.

– Кличку собаки я попросил выбрать внука, а ведь мальчишке всего шесть лет. Он смог вспомнить только такую. Завести еще одного Ниппера было бы чересчур.

– А почему никто не позвал меня на ту встречу с полицейским?

– Ах, не спрашивай, – ответил Стэнли. – Я тогда не знал, как с тобой связаться.

Льюис ничего не сказал по этому поводу. Вместо этого он переключился на собачьи истории, и Стэнли горячо поддержал эту тему. Вскоре они добрались до

станции, и Бэчелор, к облегчению Льюиса, тут же отправился обратно, заявив, что щенок может закапризничать, если они будут долго стоять на одном месте. Ньюмену не терпелось побыть одному и поразмышлять о ремарке Джорджа по поводу взрослых в водоводах. Стоял прекрасный теплый день, и сидеть на платформе в ожидании поезда было совсем не утомительно. Даже если бы потребовалось ждать целый час, у него было о чем подумать.

Приводил ли кто-нибудь из детей взрослых, он не знал, хотя считал, что вряд ли. Существовал неписанный закон: не вовлекать родителей. Люди придумывают себе законы, даже когда им всего десять-одиннадцать лет, и легко преступают их, когда им вздумается. Как бы ни относились к этому остальные, но лично он не соблюдал таких правил.

Сидя на скамье на этой пригородной станции и силясь вспомнить кое-что из далекого прошлого, Льюис едва не заснул. Он был стар, и верно говорят, что старики порой помнят события своего детства лучше, чем то, что происходило утром. Он опустил голову и незаметно задремал. Его разбудил собственный храп, который больше походил на шумное фырканье, и, очнувшись, он понял, что женщина, присевшая рядом, должно быть, услышала эти звуки и удивилась. Возраст тоже имеет свои преимущества: старики уже не чувствуют такого смущения или замешательства, как раньше, когда они были помоложе. В этом уже нет никакого смысла. Это пустая трата времени, а сейчас дорог каждый час жизни. О чем он думал, прежде чем заснул? Льюис напрочь забыл об этом, а уже прибывал его поезд.

Он также забыл, до какого именно места дошел в «Графе Монте-Кристо», но и это не имело большого значения, поскольку он перечитывал это произведение много раз и мог всегда перескочить в самый конец, где наступала долгожданная развязка. К этому времени Льюис забыл и то, что собирался связаться с инспектором уголовной полиции Квеллом...

Он проснулся ночью и тут же понял, что больше ему не уснуть. Четыре утра – это был для него какой-то магический час. Заснуть в четыре не было ни малейшей надежды. Он мог встать и ходить по дому, мог сделать себе чашку чая, выпить виски (роковой выбор), лежать в постели, почитать, включить радио. Если одно из этих средств работало и ему удавалось заснуть, скажем, часов в шесть, то он мог считать себя счастливым. Но такое случалось крайне редко. Вот и сейчас он решил ничего не предпринимать и принялся думать о дяде Джеймсе. Вообще он совершал ошибку, когда говорил дяде то, что утаивал от родителей. Он все-

таки рассказал ему о тайном месте, куда отправлялся летними вечерами. Там они встречались с друзьями и устраивали разные забавы. Кажется, это было в конце июля или в начале августа. Было ли это после окончания занятий в школе или непосредственно перед их началом, он никак не мог вспомнить и вновь проклинал себя за то, что так много забыл за эти годы...

Дядя Джеймс жил у них на Брук-роуд. Это было как раз то время, когда мать стала замечать его отлучки по вечерам. Льюис тоже это видел, но не придавал им никакого значения. Он ведь тогда был ребенком, для которого поступки взрослых всегда выглядели странными.

Лежа в постели с открытыми глазами, Льюис вспоминал свою долгую жизнь. Двенадцатилетним подростком его отдали в частную школу Бэнкрофтс, затем он поступил на медицинский факультет Кембриджского университета; наконец, после терапевтической практики, получил хорошее место врача в Илинге. Он встретил Элисон, влюбился в нее, но настоящее счастье обрел лишь тогда, когда женился на Джо. И должно быть, все эти годы он учился жить, постепенно набираясь опыта. Если бы он поговорил с дядей Джеймсом, когда ему было сорок лет, то он знал бы, куда тот отлучался по вечерам и почему заинтересовался их подземельем. Но только не в десять-двенадцать лет. Не в 1944 году, когда, несмотря на войну, бомбежки и страхи родителей, дети из обычных семей, проживающих в Лоутоне, были достаточно наивны и простодушны.

Одно время дядя Джеймс надоедал ему по поводу водоводов, просил туда сводить. В то время Льюис не мог употребить слово «надоедал» – получилось бы, наверное, слишком непочтительно по отношению к взрослому, – но именно так все и было. Наконец он согласился, сказал, что ответит, но только не вечером. Договорились на утро воскресенья. В воскресенье туда никто идти не собирался. Этот день для английского среднего класса был настоящим днем отдыха. Все магазины были закрыты, а церкви, наоборот, открыты. Хотя семья Льюиса ходила в церковь только на Пасху или Сочельник либо по случаю свадьбы или чьих-нибудь похорон, он обучался в воскресной школе. Вообще среди жителей, даже тех, которых в церкви видели не слишком часто, господствовало мнение, что воскресенье следует все-таки почитать. Они не пускали детей на улицу и после обильного обеда проводили весь день дома. Зная это, Льюис был уверен, что вряд ли кто-то спустится в водоводы, даже несмотря на такой прекрасный солнечный день.

Прогулка через поля в сопровождении родственника не только разрешалась, но и всячески поощрялась. Они с дядей Джеймсом вышли из Тайсхерст-хилла, повернули на Шелли-Гроув. Дорогу тут так и не закончили, кое-где виднелись недостроенные дома. Здесь в одном из немногочисленных домиков жила семья Алана Норриса. Путь через поля пролегал мимо пологого дуба, где дети посреди раскинувшихся в стороны ветвей устраивали пикники, ели хлеб с маргарином и сэндвичи с рыбной пастой. Но в то воскресное утро никаких детей здесь не было. Неподалеку, отделяя одно поле от другого, высилась роща из вязов. Голландка им не грозила, поскольку пройдет совсем немного лет, и их срубят, чтобы расчистить место для строительства домов.

Они взобрались на возвышенность, и Льюис, вспомнив один интересный фильм, который недавно смотрел в Лоутоне, жалел, что он не может поступить так же, как сделали с пленником в фильме – завязать глаза дяде, чтобы тот не запомнил дорогу к туннелю. Но дядя Джеймс как раз очень заинтересовался окрестностями и отвлекся от созерцания лишь на мгновение, чтобы наклонить голову и спуститься вниз по ступенькам из засохшей глины.

Лишь оказавшись внутри, Льюис понял, что они здесь не одни. Там уже было несколько обычных «участников», как называл их Джордж Бэчелор.

Прислушавшись, Льюис различил в тишине голоса девочек, а дядя Джеймс принялся рассматривать глиняные стены, деревянные ящики и кирпичи, которых было множество в этом месте, после чего, ничуть не обеспокоенный тем, что его могут услышать, громко рассмеялся.

– Нет, не думаю, – сказал он, и Льюис сразу понял, что тот имел в виду, ему даже не пришлось об этом спрашивать. Туннель не был подходящим местом для осуществления планов, которые вертелись в голове у дяди Джеймса. В нем было, видимо, слишком грязно и неудобно. Льюис знал об этом, правда, понятия не имел, что было тогда в голове у дяди Джеймса.

– Тогда пойдем, – сказал он. – Вернемся обратно.

Но дядя Джеймс не послушал его и пошел вперед, на голоса девочек. Двое из них вышли на открытое место, где горело несколько свечей. Судя по аппетитному запаху, в баке из-под воды они пекли картофель. Льюис знал, что картофель принес Билл Джонсон, отец которого выращивал его на участке на Стоуни-Пат. Картошку обмазывали глиной и засыпали тлеющими угольками. Трое девочек то и дело тыкали картофелины палочками, проверяя, испеклись

они или нет.

Теперь, оглядываясь назад, Льюис пытался вспомнить, как звали третью девочку. Одна из них была Розмари Уортон. Ее он вспомнил без особого труда. Другая была, конечно же, Дафни Джоунс – высокого роста, не меньше любого из мальчишек. У нее были длинные темные волосы. Но кто была третья девочка? Он никак не мог вспомнить...

Эта безымянная девочка повернулась к ним и уставилась на дядю Джеймса. Дафни не обернулась. Розмари как раз нагнулась, чтобы достать картофелину из бака и вскрикнула, когда слегка обожгла себе руку. Это был всего лишь крошечный ожог, но девочка тут же захныкала, и дядя Джеймс машинально подался вперед. Он спросил, все ли в порядке и не может ли он чем-нибудь помочь.

– Ничего, она будет жить, – сказала Дафни, обернувшись и сверкнув большими темно-кариими глазами.

«Неужели это все произошло тогда?» – думал он в четыре тридцать утра. Или позже, когда он, после похорон своей матери, проходил мимо церкви Пресвятой Девы Марии, а она, не узнав его, взяла под руку сопровождавшего ее мужчину и отправилась дальше...

Дядя Джеймс не настаивал на помощи, было очевидно, что она не понадобилась, и они с Льюисом отправились домой тем же путем, каким и пришли сюда. Они пересекли поля и на полпути к Шелли-Гроув дядя Джеймс проговорил, вероятно, забыв, что его компаньону всего двенадцать лет, а не двадцать пять:

– Она вскружит голову любому мужчине, как только станет постарше...

Льюис долго думал, что значит вскружить голову, но так и заснул, терзаемый сомнениями. Смысл сказанного в тот день дядей Джеймсом стал ему понятен лишь через несколько лет.

Последнее, что он запомнил в тот вечер, прежде чем отправился домой, была соседка, идущая по Брук-Пат из церкви с молитвенником в руке. Возможно, именно та книга или неодобрительный взгляд женщины заставили его наконец отправиться спать.

Глава шестая

Квартира Норрисов в доме на Трэпс-хилл была большой, с просторными комнатами, однако она едва ли годилась для маленьких детей. Окна в зале (Алан терпеть не мог, когда так называли гостиную) заполняли почти всю стену и выходили на балкон. В ясную погоду эти окна были открыты, и взрослые могли не волноваться – перила на балконе не позволили бы им упасть на выложенную брусчаткой террасу внизу. Однако для маленьких детей такая опасность сохранялась – они могли проскользнуть между перилами или нырнуть под ними. У Фенеллы, сестры Фреи, были пятилетний сын и дочка, которой скоро должно было исполниться три, и когда по воскресеньям Фенелла вместе с мужем, Джайлсом, навещала стариков, то независимо от того, как тепло было на улице или как ярко сияло солнце, окна оставались плотно закрытыми.

Лишь совсем недавно Алан понял, что терпеть этого не может, просто буря отвращения поднимается в душе. Еще несколько недель назад он уживался с расхожей теорией о том, что любые трудности, с которыми сталкиваются бабушка или дедушка, – это на самом деле не трудности, а, наоборот, удовольствие, даже забава, ниспосланное судьбой испытание, благодаря которому они становятся объектами всеобщей зависти. И все это применялось не только к бабушке и дедушке – они-то, слава богу, уже испытали подобную судьбу еще двадцать пять лет назад, – но еще и к прабабушке и прадедушке, коими они теперь стали. В их возрасте, считал Алан, они заслужили себе хоть немного спокойствия по воскресеньям. А какой может быть отдых рядом с беснующимися малышами, которые делают все что вздумается: прыгают с дивана на кресло, катаются по ковру, стучат в окна, как будто хотят их открыть, без конца требуют кока-колу, апельсиновый сок, печенье и шоколад, которыми заранее запаслась во всем им потакающая и вечно улыбающаяся прабабушка, и забираются на колени к прадеду, чтобы в очередной раз испачкать книгу или газету своими липкими пальцами. Когда он довольно мягко изложил свое мнение Розмари, добавив, что наличие детей у них дома по воскресеньям – это не так уж и плохо, потому что когда они уходят, наступает блаженство, супруга тут же начала упрекать его в неблагодарности. По ее мнению – поскольку она так и не забыла его замечания по поводу их унылой и однообразной жизни, – визитов Фенеллы и ее детей вполне достаточно, чтобы рассеять любые мысли о скуке. Если им повезет прожить еще несколько лет, то и у Фреи появится семья,

и она тоже будет приводить своих детей, чтобы повидаться с прабабушкой и прадедушкой. Возможно, это будет происходить по субботам...

Фрея и ее предстоящая свадьба были в данный момент самой популярной темой бесед в семействе Норрис, хотя сам Алан придавал этому событию весьма мало значения. Из небольшого семейного торжества в уютном старом пабе эта свадьба превратилась в вечеринку для двухсот человек в прибрежной гостинице. Тем больше оснований для Розмари купить себе платье, от чего она постоянно отказывалась из-за высокой цены, всегда приговаривая, что она и сама может сшить не хуже. Алан не мог с этим согласиться, но вслух ничего не говорил. Он по-прежнему предлагал ей выделить приличную сумму на готовый костюм, хотя такое предложение было ему не совсем по душе. Из них двоих именно он был феминистом, которому никогда не нравилось представление о муже как о семейном кормильце, дарящем супруге щедрые подарки. Нет, он все-таки придерживался мысли о совместном пользовании материальными средствами. Но все это не имело значения, поскольку Розмари настаивала на том, что сама сошьет себе наряд. Алан предполагал, хотя ни разу о том не заикнулся, что скорее всего такая задача ей не по силам.

Однажды он вдруг понял, насколько мог это понять мужчина, что одежда, которую она шила с тех пор, как они поженились, не была такой уж безупречной. Отвороты получались неровными, кромки спереди были длиннее, чем сзади, вырезы, прорезы для пуговиц и обшлага получались не совсем симметричными. Одежду, которую шила его супруга, всегда хвалили только потому, что она делала ее сама, а не потому, что та хорошо выглядела. Медно-красный шелковый костюм теперь пополнит эту коллекцию, но получится, должно быть, еще хуже, чем обычно; Алан признавался себе в том, что Розмари, которая никогда не обучалась этому ремеслу, теперь стала шить хуже, потому что постарела. Ее пальцы стали менее ловкими, и ей нужны были новые очки. Прежде они редко посещали большие вечеринки или важные мероприятия. Предстоящее торжество было очень значительным, и Алан представил, как он сопровождает Розмари – в статусе супруга, которым он редко себя ощущал. Нет, ему будет неловко: он чувствовал это. И он совершил ошибку, когда в последний раз и уже более откровенно пытался убедить жену купить себе готовое платье.

– Говоришь, я растеряла свои навыки? – сказала она в ответ на его замечание, что вырез пиджака получился не таким ровным. А все потому, что она трудилась полночи...

– Да ты взгляни в зеркало. Сама убедишься.

– Я лишь вижу, что ты твердо настроен заставить меня надеть стандартное платье вместо чего-нибудь оригинального.

Они поспорили еще немного, но потом Алан сдался. Ему придется вынести и это платье, и жалостливые взгляды, а возможно, и неозвученные мысли гостей о том, что он слишком скуп, чтобы нормально одеть собственную жену. В общем, он угодил в ловушку половой дискриминации, которой так боялся. Днем они вышли на одну из своих длительных прогулок, но вынуждены были повернуть на Болдуин-хилл, вместо того чтобы продолжить путь по одной из лесных тропинок.

Розмари слишком устала, засидевшись далеко за полночь за своей вечной швейной машинкой.

– И после всех этих усилий ты даже не хочешь, чтобы я это носила...

Алан ничего не ответил. Он посмотрел на четыре припаркованных автомобиля на склоне зеленого холма, уходящего вниз мимо Болдуин-Понд к Блэкуэйр. В занятиях владельцев тех автомобилей, в отличие от него и Дафни, не было ничего необычного: кто-то курил, кто-то рассматривал в бинокль шпиль церкви Хай-Бич, виднеющийся вдали на фоне темно-зеленого леса, а кто-то просто дремал. Немного отступив от Розмари, Алан подумал о Дафни. Он теперь вспоминал ее каждый день: Дафни в отцовской машине, Дафни в его объятиях, Дафни, в темноте снимающая одежду. Нестерпимое желание обладать друг другом вытесняло страх разоблачения...

Алан по-прежнему носил ее визитную карточку в правом кармане пиджака. Ему, конечно, не следовало ее с собой носить. Он должен был оставить ее дома и спрятать в надежном месте. Розмари подошла к нему и взяла за руку – за левую руку, – в то время как правой рукой он нащупал в кармане визитку Дафни. Ему это показалось своего рода изменой и, ослабив пальцы, он вытащил руку из кармана. Они направились к дому.

– Думаю, мне нужно будет сразу прилечь.

– Я принесу тебе чашку чая, – сказал Алан.

Это была еще одна ловушка – устроенная супругой, которая заставляет его в качестве компенсации за неверность оказывать ей мелкие услуги. Но почему он подумал о неверности, если никогда не изменял ей?

Алан пошел на кухню и приготовил чай, налив чашку для себя и еще одну – для Розмари. Она легла полностью одетой, накрывшись пуховым одеялом. Почти готовый медно-красный костюм лежал на краю кровати. Почему? Он не спрашивал. Он возвратился на кухню и положил карточку Дафни на стол: адрес, электронная почта, номер мобильного телефона и домашнего.

Она жила на Гамильтон-террас. В газете он недавно прочитал очерк о наиболее очаровательных уголках Лондона, где была упомянута и Гамильтон-террас. Алан никогда там не был, но он попытался представить себе, как выглядит это место, какие там дома. Наверняка там не так, как у него в Лоутоне. Потом он прочитал, что Лоутон, оказывается, считают одним из самых привлекательных внешних пригородов столицы.

У него не было мобильного телефона, он никогда не чувствовал потребности в нем. Но если бы мобильник у него был, он мог бы звонить отовсюду, он мог бы, – подумал он, смутившись от такой мысли, – тайно звонить. Сегодня Дафни он звонить не станет, но завтра... Завтра он направится прямоком в один из магазинов, где продают технику, и купит себе телефон. Алан сунул карточку Дафни обратно в карман...

ДНК, взятая из костей, обнаруженных в Уорлоке, была в хорошей сохранности. Колин Квелл внимательно ознакомился с отчетом патологоанатома. Большую часть этого отчета не смог бы понять даже самый умный и квалифицированный полицейский. Квелл считал себя умным. Однако никакой пользы в полученных анализах он не видел, поскольку их не с чем было сравнить. Шестьдесят или семьдесят лет назад в районе Лоутона, возможно, жило немало людей, чьи ДНК могли совпасть с материалом, взятым из злополучных костей. Но теперь их нет, они наверняка все умерли. Он мог бы, конечно, попросить кого-нибудь из семейства Бэчелор сдать образцы ДНК, – или, например, ту поразительного вида женщину по имени Дафни Фернесс. Однако все это пригодится только в том случае, если одна из кистей рук принадлежала кому-то из их родственников...

Телефонный звонок от Дафни стал для него настоящим сюрпризом. Она сказала, что позвонит, но Майкл Уинвуд сомневался, что она говорила всерьез; обычно так не делали. Может ли он приехать к ней что-нибудь выпить – только он один? Видимо, поразмыслив, она все-таки пригласила его на ужин. Она помнила, где он жил, и сказала, что нужно сесть на 189-й автобус, который останавливался совсем рядом с ее домом.

Дом, в котором жила Дафни, удивил его еще больше. Гостиная была обставлена ее покойным супругом Мартином. Здесь все выбирал лично он сам – со свойственными ему заботой и вкусом.

– Эта комната напоминает мне о доме моей тети Зоу, – сказал Майкл.

Он заговорил о Зоу, о том, как она всегда к нему хорошо относилась и как теперь, когда ей уже девяносто шесть, он боялся ее смерти...

– Мало кто боится за родственников в таком почтенном возрасте, – заметила Дафни.

– Я не хочу говорить о том, насколько ужасно вели себя мои родители, хотя так оно и было. Мой отец относился ко мне хуже, чем мать; по крайней мере она не была жестокой. Зоу полюбила меня с той минуты, как я к ней приехал. Знаешь, я даже тогда не поверил, думал, она шутит или просто играет со мной.

– Ты часто с ней видишься?

– Она все еще живет в Льюисе. В одноэтажном, но довольно большом доме. Я навещаю ее примерно раз в месяц, и это не какая-нибудь рутинная, нет. Мне нравится там бывать.

– Я налью что-нибудь выпить, – сказала Дафни. – Совиньон подойдет?

Когда она вернулась в гостиную, Майкл стоял возле одного из книжных шкафов, мысленно произнося названия книг. Какой он худой и костлявый, подумала она. Хилый, наверное, хотя и не больной. Его лицо было испещрено морщинами, но руки выглядели длинными и красивыми. Он взял бокал с вином и попробовал с явным удовольствием.

– Можно я тебе что-то расскажу?

– Конечно, – ответила она. – Что угодно, Майкл, не стесняйся! Только не говори ничего такого, о чем можешь потом пожалеть...

– Я не буду сожалеть об этом.

Он рассказал ей о том, что сохранил комнату Вивьен в том самом виде, какой она была до ее смерти.

– Я захожу туда и сижу, иногда разговариваю с ней. Твоя комната напоминает мне об этом, потому что здесь тоже красиво и она оформлена примерно в том же стиле. Думаешь, я веду себя неправильно? Ну, скажем, слишком сентиментальничаю, потакаю своим желаниям?

– Да нет. Ведь тебе же так удобно?

– Не знаю. Я не знаю, комфортно ли мне. Но у меня есть такое ощущение, что, наверное, было бы ужасно избавиться от этого. То есть если бы я все там переставил, что-то выбросил и превратил бы в запасную комнату – скажем, в комнату для гостей... На случай приезда кого-нибудь из детей, например... Нет, я бы почувствовал себя обделенным. У меня ведь и так есть две гостевые комнаты. Нужно ли предлагать детям именно эту?..

– А они вообще к тебе приезжают?

– Нет, – ответил он. – Хотя приезжают иногда. Я имею в виду их довольно мимолетные визиты из-за границы. Причем они никогда не остаются погостить. Я чувствую, что должен как-то воспротивиться такому положению дел, но на самом деле ничего им не говорю. Видимо, они счастливы, и слава богу!

– Я никогда не хотела иметь детей. Говорят, человек испытывает сожаление, когда у него нет детей, но лично про себя я такого сказать не могу. Ну что, поедим что-нибудь?

Дафни приготовила пасту с черными оливками и салатом из авокадо и артишоков. На десерт их ждал крем-карамель. Она предложила Уинвуду

шропширский сыр с характерной голубой плесенью. Сказала, что давно на него «подсела» и потому надеялась, что и ему этот сыр понравится. Майклу сыр пришелся по вкусу – особенно в качестве закуски к красному вину. В столовой были оранжевые стены и черная мебель. Он спрашивал себя, живет ли она сейчас одна или нет; возможно, у нее и есть кто-то, кого раньше принято было называть «второй половинкой».

Дафни сыграла кое-что из Моцарта. Когда-то раньше Уинвуд слышал это произведение, но с тех прошло уже много лет. Это была музыка, от которой на глаза наворачивались слезы. Хотя Майкл любил такую музыку, он все-таки был рад, что пьеса оказалась короткой. Он уехал после девяти, сказав, что сегодня ему нужно лечь пораньше.

– Знаешь, я иногда пишу стишки об автобусах, – сказал он. – Неважные, конечно. Вот, например: «От улиц родимых автобус мой самый любимый, сто восемьдесят девятый, бежит к Эбби-роуд, листвой объятый...» Ну там и еще есть, но я не хочу тебе досаждать.

Она рассмеялась, чмокнула его в щеку, а потом смотрела, как он направился к остановке и свернул за угол. Было двадцать минут десятого.

Когда Дафни положила тарелки и столовые приборы в посудомоечную машину, зазвонил телефон. Это был один из тех звонков, когда вы знаете, кто звонит. Дафни знала. Конечно, она могла бы и не знать, ведь ее телефон был без определителя, на котором высветился бы номер. Но сейчас она догадывалась безо всяких определителей и, сняв трубку, тут же произнесла:

– Привет, Алан.

Он не представился, да ему и не нужно было.

– Я звоню с переносного телефона, не с мобильного... Вряд ли можно было бы узнать, кто звонит.

– Ну, мне-то удалось.

– Ну да, – хрипло сказал он. – Я вышел на балкон с пятнистой кошкой.

- Ты долго раздумывал, прежде чем набрать мой номер...
- Да. Я боялся. Нам нужно увидеться. Как можно скорее. Может, в пятницу?
- Конечно. Я тоже хочу тебя видеть. Во второй половине дня. В любой день. Предварительно позвони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/rut-rendell/eksgumaciya-unosti/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Голландская болезнь вяза – грибковая болезнь, поражающая деревья семейства вязовых и вызывающая их массовую гибель.

2

Давид Риццио (Риччо) (ок. 1533–1566) – итальянец, личный секретарь и фаворит королевы Шотландии Марии Стюарт, зверски убитый заговорщиками-протестантами.

3

Эдуард V (1470–1483) и его брат Ричард Йоркский (1473–1483), сыновья английского короля Эдуарда IV. В 1483 г. парламент издал закон, которым объявил принцев незаконнорожденными. Ставший королем Англии дядя принцев, Ричард III, поместил их в лондонский Тауэр. Судьба принцев неизвестна, считается, что они умерли или были убиты в Тауэре.

4

Джейн Грей (1537–1554) – некоронованная королева Англии с 10 по 19 июля 1553 г. Правнучка короля Генриха VII имела лишь призрачные шансы прийти к власти. Однако в 1553 г. смертельно больной Эдуард VI отстранил католичку Марию от престолонаследия и назначил наследницей протестантку Джейн. Но Мария подняла мятеж в Восточной Англии, и Тайный совет, оценив соотношение сил, низложил Джейн. Джейн Грей и ее муж были заключены в Тауэр и приговорены к смерти за измену.

5

Warlock (англ.) – волшебник, колдун, маг. – Прим. пер.

6

Широкая улица в северо-западной части Лондона. Названа в память о сражении 1806 г. при селении Мейда в Италии, где английские войска одержали победу над французскими. – Прим. пер.

7

Многоквартирные дома для людей пенсионного возраста. В таких домах есть персонал, который можно в любое время вызвать по телефону.

8

Детская игра, в конце все играющие оказываются в «доме», набитом, как коробка сардин.

9

Документальный сериал о модных бутиках и шопинге.

10

Кому от этого польза? (лат.)

11

Библия. Ветхий Завет. Песнь песней Соломона.

12

Spot (англ.) – пятно.

Купить: <https://tellnovel.com/rut-rendell/eksgumaciya-yunosti-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)